

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

В. М. ВИННИЧЕНКО

**ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.
У ИСТОКОВ ЖУРНАЛИСТИКИ**

Учебное пособие

Ростов-на-Дону – Таганрог
Издательство Южного федерального университета
2018

УДК 69(075.8)

ББК 76.01а73

В48

*Печатается по решению кафедры истории журналистики
Института филологии, журналистики и межкультурной
коммуникации Южного федерального университета
(протокол № 4 от 7 декабря 2017 г.)*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории
и правового регулирования массовой коммуникации
Кубанского государственного университета

И. В. Зубовский;

кандидат филологических наук, доцент кафедры истории журналистики
Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации
Южного федерального университета

Ю. А. Нарышкин

Виниченко, В. М.

В48

История зарубежной журналистики. У истоков журналистики : учебное пособие / В. М. Виниченко ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону : Таисирис : Издательство Южного федерального университета, 2018. – 136 с.

ISBN 978-5-9275-2914-8

Настоящее учебное пособие состоит из четырех частей, каждая из которых преследует собственную цель. В первой из них затрагиваются методологические проблемы изучения истории журналистики, во второй рассматриваются праажурналистские явления Античности и Средневековья, в третьей – конкретные книгопечатания и появление первых газет, а заключительной, четвертой части анализируется развитие английской печати в XVII–XVIII вв., результатом которого становится формирование важнейших предпосылок становления современной журналистики.

Предназначено для студентов факультетов и отделений журналистики.

ISBN 978-5-9275-2914-8

УДК 69(075.8)

ББК 76.01а73

© Южный федеральный университет, 2018

© Виниченко В. М., 2018

© Оформление. Москва, Издательство

Южного федерального университета, 2018

Оглавление

Глава 1. ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ: НЕИЗБЕЖНОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ.....	4
Глава 2. ПРАЖУРНАЛИСТСКИЕ ЯВЛЕНИЯ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.....	19
Глава 3. КНИГОПЕЧАТАНИЕ И ПЕРВЫЕ ГАЗЕТЫ	50
Глава 4. РАЗВИТИЕ АНГЛИЙСКОЙ ПЕЧАТИ В XVII–XVIII ВЕКАХ	83
Литература	123

Глава 1. ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ: НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

«Каков бы ни был предмет истории – институт, наука или научная дисциплина, – его следует определять или обозначить его пределы, чтобы, исходя из этого, можно было проследить его становление», – писал во введении к своей книге «Этапы развития социологической мысли» известный французский социолог и журналист Раймон Арон [5, с. 24].

Однако применительно к журналистике уже этот первый шаг представляется достаточно сложной задачей. «Термин “журналистика” настолько широк... что его невозможно использовать в единственном числе, ничто не в состоянии объединить все те явления, которые ассоциируются с термином “журналистика”, кроме него самого... любое предположение, что нечто, именуемое “журналистикой”, вообще может существовать, было бы малоубедительным обобщением, вытекающим из обманчивого единства термина», – утверждает в одном из своих эссе современный австралийский исследователь Джон Хартли [88, p. 20].

Как ни странно, но Хартли не столь уж далёк от истины. Его американская коллега Б. Зелнер объясняет подобную ситуацию существованием в журналистике как минимум трёх «интерпретируемых сообществ», состоящих из её исследователей, преподавателей и самих журналистов. Представители каждого из них склонны рассматривать журналистику совершенно по-разному. Единство взглядов зачастую может отсутствовать даже внутри сообщества, что особенно наглядно проявляется в случае с исследователями. Зелнер насчитывает пять возможных подходов к изучению журналистики: социологический, исторический, языковой, политологический и культурологический. Каждый из них, взятый в отдельности,

предлагает свой, уникальный видение журналистики, а их приверженцы, по утверждению Зелнер, так и не сумели найти общего языка, а потому «чем не удалось создать целостную картину журналистики, объединяющую воедино все эти подходы для ясного понимания того, чем является журналистика и чем она может быть» [135, р. 30].

Не лучше в этом отношении и ситуация в отечественной науке¹. Е. В. Ахмадуллин рассматривает журналистику как социальную систему [6, с. 9], Л. П. Анодинова – как социальный институт [3], С. Г. Корниосенко в одной из работ – как общественную деятельность [25, с. 3], в другой – как особую форму познания [24, с. 15], а Е. П. Пряхоров в своём «Введении в теорию журналистики» вообще отказался от идеи предложить для неё какое-то одно, исчерпывающее определение, отметив, что понятие «журналистика» «имеет очень широкое семантическое наполнение» и изучать этот предмет «необходимо во всём богатстве его сторон и проявлений» [42, с. 11]. Неудивительно, что М. М. Ковалёва, в течение многих лет преподававшая историю журналистики в стенах Уральского университета, сравнила состояние отечественной теории журналистики с мифом², а проблему согласования теоретических представлений о журналистике с концептуальными основаниями исторических профессиональных дисциплин называла «самой актуальной (и даже болезненной!)» [23, с. 61].

1 Понятийный российский журналист В. А. Аграновский писал под псевдом своей работы «Наша профессия...» по сути мир, а социологию, но имеет стробиль и науки прикладной теории. Мы и сегодня ещё плохо знаем, что такое журналистика. Форма общественного сознания и продукт человеческого знания? Подобно литературе, живописи, музыке, архитектуре, театру и кино – род искусства? Или входит в литературу как понятие поэтики, подобно кино, кино, драматургии, прозе и художественному переводу?.. Работы имеют авторитетный убойный, последовательное теоретическое проблемное журналистики, при всём их значительности и глубине, содержат важные противоречия и не дают, тем, полного ответа на поставленные во входе [1], с. 13.

2 Это сравнение дано у М. М. Ковалёвой негласной комиссии, поскольку, в соответствии с теорией А. Ф. Лавина, она рассматривает миф как идеальную форму организации коллективного знания.

Более того, возникает ощущение, что чем дольше тот или иной человек работает в журналистике или занимается её изучением, тем больше он затрудняется с её определением³. «Предложить точное определение для журналистики оказалось на удивление трудной задачей», – признал в 2014 г. профессор Нью-Йоркского университета М. Стефенс [127, р. XIII]. Подобное утверждение, на первый взгляд, выглядит несколько неожиданно, поскольку четверть века назад он не испытывал ни малейших сложностей в этом отношении. Во введении к «Истории новостей», одной из своих центральных работ, он, подобно многим из его коллег, определял журналистику как наиболее законичный термин для деятельности по сбору и распространению новостей [126, р. 3].

Во многом эти сложности закономерно вытекают из природы самой журналистики как профессии, которая, по словам всё того же Хартли, в отличие от юриспруденции или медицины, «не способна установить собственные границы, контролировать свои ряды, диктовать стандарты или цены, которая не располагает неотъемлемым набором основополагающих знаний и умений» [88, р. 24].

Журналистика действительно является открытой профессией, для занятия которой не требуется диплом о журналистском образовании, а иногда и вообще какой бы то ни было диплом. Но это не уменьшает её значимости. Тот же Хартли называет её «самой важной текстовой системой в мире», конкурировать с которой «по масштабам распространения, глубине социального проникновения, разнообразию тем и форм» может лишь драма [ibid., р. 20].

³ Так, глава десятилетиями ранее у Е. В. Прохорова всё-таки было для неё одно определение, представляющее из себя странный «большой системный оксюморон»: «ЖУРНАЛИСТИКА, или общесоциальный функционализм по сбору, обработке и передаче, распространению и получению информации через каналы массовой коммуникации (пресса, радио, телевидение, кино и др.) или по форме выражения массовой информации и информации» [45, с. 352].

Напомним к цитате Р. Арона, где он приводит пример историка, намеревающегося описать историю Франции либо Европы. Для этого он может воспользоваться довольно простым приемом: обозначить в качестве Франции или Европы некий участок территории между Атлантикой и Уралом, после чего описать то, что происходило на нём с течением времени. «На деле же он никогда не пользуется таким торжественным способом, – отмечает Р. Арон. – Франция и Европа – не географические, а исторические понятия, и та и другая определяются единством институтов и идей, описываемых, хотя и наименованных, и определённой территорией». Более того, сама дефиниция «выводится из двусторонних связей между настоящим и прошлым, из сравнения сегодняшней Франции и Европы с Францией и Европой эпохи Просвещения или господства христианства» [5, с. 24].

Сказанное им полностью справедливо и по отношению к журналистике, поскольку представления о ней также претерпевали существенные изменения с течением времени. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить два её определения, относящихся к разным историческим эпохам.

Первое из них представляет собой даже не определение как таковое, а лишь первый шаг по направлению к нему. В статье, появившейся в начале 1833 г. на страницах британского журнала «Westminster Review», речь идёт о новом общественном явлении, для обозначения которого, по мнению автора, лучше всего подошёл бы французский термин «journalisme»: «Журналистика» удачный термин для того, что он подразумевает... Обмен мнениями и сведениями, который осуществляется в Англии и других странах посредством газет и журналов, слишком важен, чтобы оставаться без названия, и данный термин полностью подходит» [95, p. 196].

Второе определение принадлежит перу одного из современных исследователей американской журналистики Майкла Шад-

сова и открывает первую главу его книги «Социология новостей», изданной в 2003 г.: «Журналистика – это бизнес или практика подготовки и распространения представляющей широкий общественный интерес информации о текущих событиях. Это сфера деятельности ряда организаций, регулярно (как правило, ежедневно) публикующих информацию о текущих событиях и комментариев к ней, расцениваемых как точные и достоверные, для рассредоточенной автономной аудитории с целью её открытого вовлечения в общественно значимый дискурс» [120, p. 11].

Эти два определения разделяет опыт не только 170-летнего развития англо-американской журналистики, но и непрерывных попыток его осмысления.

Определение М. Шадсона, естественно, не является единственно возможным либо истинной в последней инстанции; с исторической точки зрения оно удобно лишь тем, что позволяет достаточно легко вычленив его ключевые компоненты и взглянуть на время их возникновения. Именно так он и поступает в своей работе чуть далее: «Глиняные институциональные и культурные отличия современных новостей имеют относительно короткую историю – максимум 400 лет. Люди, получающие зарплату за написание достоверных материалов о текущих событиях и их публикацию на регулярной основе, существуют лишь около 250, а во многих местах не более 150 лет. Нормативное представление о том, что они должны обеспечивать граждан политической информацией для того, чтобы демократическая система могла работать, они выработали лишь после появления современных демократических государств. Идея о том, что эти журналисты должны преподавать новости в беспартийной профессиональной манере, возникла едва ли более века назад. Все эти черты современной журналистики принимают разные формы в зависимости от национальных традиций» [ibid., p. 71].

В этом отрывке примечательны три момента: во-первых, Шадсон принимает за точку отсчёта истории журналистики дату появления первых газет (400 лет назад); во-вторых, указывает на наличие её различных форм, зависящих от национальных традиций; и наконец, он использует в качестве синонимов слова «журналистика» и «новости».

Последнее полностью соответствует традициям англо-американской журналистики. Термин "журналистика" в обычном понимании имеет два значения, – поясняет один из коллег М. Шадсона Д. Нероне. – Он означает как новости, так и деятельность по их освещению. В первом значении он подразумевает продукт, производимый информационными организациями или прессой. Во втором значении журналистика – это специфический набор норм, стандартов и процедур, которыми должна руководствоваться деятельность по освещению новостей» [106, р. 196]. Именно в первом значении, по утверждению Д. Нероне, термин «журналистика» использовал в упомянутом вкратце эссе «Журналистика и современность» Д. Хартли.

И здесь проявляется одно из упомянутых М. Шадсоном национальных различий, обуславливающих существование разных форм журналистики. В российской традиции, например, ключевым понятием для её определения до недавнего времени всегда выступала публицистика, а не новости. «Публицистика – высший род журналистики», – утверждалось в 1971 г. на страницах «Краткой литературной энциклопедии» [14, с. 73]. «Область журналистики, система средств массовой пропаганды и информации приобрели в современном мире огромное влияние, а публицистические тексты составляют её главное содержательное наполнение», – писала в 1989 г. во введении к своей монографии «У истоков публицистики» В. В. Учёнова [53, с. 4]. «Главным типом творчества, использу-

самым в журналистике, является публицистика, – более двух десятилетий спустя отмечал её коллега Е. П. Прохоров [42, с. 76].

Как известно, одним из ключевых признаков публицистики выступает её стремление к непосредственному воздействию на мнение и поведение аудитории, в силу чего она зачастую рассматривается как одна из форм агитации и пропаганды [21, с. 98].

Это понятие не имеет прямого соответствия в английском языке, ближайшими по значению терминами к нему являются «*opinion pieces*» и «*advocacy journalism*».

Новости представляют собой нечто совершенно иное. М. Стефенс, автор одной из наиболее фундаментальных исторических работ в данной области, «*A History of News*», определяет их как «новую информацию о предмете, представляющем определённый интерес для некоторой части общества», и сразу же признаёт, что подобное определение может показаться слишком узким для некоторых именно потому, что «исключает моральные и политические наставления» [125, p. 4].

Согласно традициям западной журналистики, новости должны быть объективными и беспристрастными; кроме того, их следует отделять от мнений. Однако выполнить подобное требование довольно непросто: «Мнения и новости не одно и то же, хотя мнения могут порождать и содержать новости», – признаёт М. Стефенс [*ibid.*, p. 175].

Одна из причин, по которой грань между ними трудно провести с абсолютной чёткостью, – это то, что и новости, и публицистика являются взаимосвязанными и взаимодополняющими компонентами журналистики. В том, что это так, можно убедиться, если взглянуть на шесть основных функций, которые, по утверждению М. Шадсона, новости выполняют в демократическом обществе [119, p. 8–9]:

1. Информационная функция: СМИ способны обеспечивать граждан полной и достоверной информацией, чтобы те могли сделать разумный политический выбор.

2. Расследовательская: СМИ могут расследовать деятельность органов и лиц, обладающих властью, особенно государственной.

3. Аналитическая: СМИ могут обеспечивать доступную интерпретацию, помогающую гражданам понять сложные проблемы.

4. Функция социальной эмпатии: журналистика способна рассказать людям о жизни других сегментов общества и помочь им понять взгляды и образ жизни тех, кто к ним принадлежит, особенно если речь идёт о тех, кто добился в жизни меньших успехов, чем они сами.

5. Функция общественного форума: журналисты способны обеспечивать диалог между гражданами и сообщать о взглядах различных групп в обществе.

6. Мобилизационная функция: СМИ могут выступать в качестве защитника определённых политических программ и побуждать людей к действиям в их поддержку.

Последняя из этих функций полностью укладывается в определение публицистики.

Как утверждает М. Шадоэн, «относительная значимость различных функций может изменяться с течением времени и варьироваться от одного демократического общества к другому», что позволяет вести речь о национальных моделях журналистики. Более того, «если понимать журналистику как деятельность по подготовке и периодическому распространению информации и комментариев о текущих событиях, представляющих общественный интерес и обладающих общественной значимостью, то она, в отличие от демократии, существовала в Чили в течение 1980-х гг., в Испании времён Франко, где

также не было демократии, и существует в современном Китае, порой отказываясь даже критиковать правительство, что, однако, не приближает Китай к демократическому устройству» [119, р. 8].

Не менее важно то, что набор этих функций, а также их соотношение с течением времени способны изменяться, меняя представление о журналистике в том или ином обществе. Так, например, вплоть до последних десятилетий XIX в. американская пресса, как и европейская, носила откровенно партийный характер, а её основной функцией, по утверждению М. Шадсона, выступала вовсе не информационная, а мобилизационная.

И это вновь возвращает нас к тому, о чём мы уже сказали: журналистика является историческим понятием, содержание которого не только претерпевало серьёзные изменения с течением времени, но и может варьироваться в зависимости от национальных традиций.

Почему это так важно? Потому что в настоящий момент журналистика переживает очередной исторический разлом: «В течение примерно полутора веков журналисты делали ставку на сбор и распространение новостей, – писал в 2014 г. М. Стофенс в своей новой книге «Beyond News: The Future of Journalism». – С середины XIX в. они зарабатывали на жизнь и даже создавали огромные предприятия, продавая новости или рекламу в сочетании с ними... Дело выглядит так, что в будущем немногие журналисты смогут существовать далее подобным образом» [127, р. XIII–XIV].

«Мы не увидим конца журналистики, но газетам предстоит тяжёлые времена, и некоторые из них, включая самые именитые, их не переживут, – соглашается с ним М. Шадсон. – Информационная, расследовательская, а также функция социальной эмпатии, которые журналистика ранее выполняла в условиях демократии, могут быть перераспределены между

журналистскими и нежурналистскими организациями. Они могут не концентрироваться более в руках газет и телевизионных станций, как это было некогда» [119, р. 21].

С американскими исследователями солидарны многие из их европейских коллег, как свидетельствует статья профессора Дартмутского университета Х. Пёттера под красноречивым названием «Источники понимания: почему журналистика нуждается в истории как тематической области», опубликованная им в 2011 г. в журнале «Journalism Practices». В ней он, в частности, писал: «Связь журналистики с новостной функцией существенно ослабла с тех пор, как люди и организации, не имеющие отношения к журналистике, стали приобретать всё большее значение, используя методы и формы подачи информации, разработанные в рамках новостной журналистики, для влияния на общественное мнение в соответствии со своими собственными политическими, экономическими, религиозными или научными интересами...» [109, р. 522]. В подобных условиях, полагает Пёттер, журналистика должна сделать главной целью то, что до сих пор считалось для неё вторичной задачей: помогать общественности лучше понимать окружающий нас мир (то, что М. Шадсон называет аналитической, а Х. Пёттер – ориентирующей функцией).

Это довольно непростая задача, поскольку мир, в котором мы живём, состоит из двух взаимосвязанных и взаимодополняющих сфер: природы и человеческой культуры. Природа, как известно, подчиняется законам естественного развития, которые могут быть математически смоделированы, что позволяет со значительной степенью вероятности предсказывать различные природные явления. А вот культура, включающая в себя искусство, политику, общественные отношения, будучи результатом взаимодействия людей, такому моделированию практически не поддаётся. Единственным возможным ключом

и пониманию и объяснению культурных феноменов является изучение того, как они возникли и изменялись с течением времени, т. е. история.

Как мы понимаем, журналистика и сама является одним из тех культурных феноменов, о которых ведёт речь Х. Пёттер, и, следовательно, лишь изучение истории служит залогом к пониманию её дальнейшего развития.

Итак, мы пришли к выводу, что журналистика является исторически и культурно обусловленным понятием. Но что мы должны принять за исходную точку в её истории?

«Исторический опыт развития журналистики не так уж велик: зародилась она в начале XVII столетия в Европе. В России это произошло на век позже, в других странах и регионах мира – в различные исторические сроки», – утверждает на первых страницах одного из наиболее популярных отечественных учебников по истории журналистики минувшего десятилетия [20, с. 3].

Это, пожалуй, одна из наиболее распространённых точек зрения, в соответствии с которой дата появления первых печатных газет в Европе отделила собственно историю журналистики от так называемых пражурналистских явлений (*proto-journalism*) Античности и Средневековья. Причиной её широкого распространения выступает исторически сложившаяся тесная связь между печатной периодикой и журналистикой: «Журналистика! Что это такое? Газеты! Что они собой представляют? *Qu'est-ce la presse? C'est la voix de la nation*», – с этих слов начинается предисловие к изданию в 1873 г. 789-страничной «Журналистике в Соединённых Штатах с 1690 по 1872 год» Фредерика Халсема [90, р. XXI]. На эту родовую связь отчётливо указывает целый ряд профессиональных терминов, таких как *excer* (эксклюзив), *sidebar* (дополнительная информация к основному материалу), *headline* (заголовок), *byline* (под-

пись, имя автора), происхождением которых англоязычная журналистика обязана печатному делу.

Традиция употреблять термин «журналистика» в качестве синонима СМИ укоренилась настолько, что всё тот же Х. Питерс в начале нового столетия считал необходимым напомнить, что «газеты и телевидение, как и остальные СМИ, выступают лишь материальными предпосылками, необходимыми для существования журналистики как профессии. Сама же профессия журналиста представляет собой нечто нематериальное, например осознание своего долга перед обществом информировать его обо всём, что действительно важно, и при этом приверженности правде; способность обнаруживать всё то, что скрыто от общественного внимания, делать сложные и уникальные явления доступными для всех» [110, с. 139].

Одна из важных причин устойчивости подобного восприятия журналистики в современных условиях кроется в том, что М. Шадсон назвал «типичным для социологии стремлением опираться на факты, подавляющиеся эмпирическими намерениями». И поскольку «новости неизменно выступают продуктом деятельности специальных организаций, существующих прессой или средствами массовой информации, чьи сотрудники ежедневно формируют нашу информационную повестку дня», то именно СМИ неизменно выступают объектом социологических исследований журналистики, а следовательно, вполне логично принять за отправную точку в её истории дату появления первых газет.

Социологический подход прекрасно подходит для углублённого изучения эволюции журналистики именно как «сферы деятельности специальных организаций», поскольку она представляет собой «не только литературное явление, но и производственный процесс. Стилистические конструкции, такие как, например, перевернутая пирамида, лид, отвечающий на пять вопросов (кто, что, когда, где и почему), и связанные с

ными привычки являются продуктом индустриализации в той же степени, что и консервная банка. Методы, технические процессы и принципы журналистики были разработаны для удовлетворения не только требований самой профессии, но и производственной необходимости в выпуске массовой продукции... Если случается нечто, не поддающееся обработке на основании [существующей] производственной модели, тогда, в сущности, этого не было: оно не может быть представлено вниманию аудитории либо предлагается лишь в искажённом виде» [87, р. 91–92].

Более того, социологический подход фокусирует внимание на следующих важных и интересных вопросах: «Почему одни государства подвергают новости большому контролю, чем другие? Почему журналистские традиции одних стран побуждают журналистов к написанию литературных эссе, а других – к созданию фактологических отчётов? Почему некоторые из выходящих в одном и том же городе газет публикуют сенсационные новости на первой полосе, а другие – нет? Почему в одних странах доминирует коммерческое издание, а в других – общественное? И имеет ли это всё какое-то значение?» [120, р. 64–65], – стимулируя тем самым развитие сопоставительных исследований.

Но одновременно с этим социологический подход способен приводить к наливанию узким и категоричным выводам, подобным тем, к которым пришёл в своей известной статье «Журналистика как англо-американское изобретение» британский исследователь Жак Челаби, утверждавший, что «журналистика является не только открытием XIX века, но и англо-американским изобретением» [69, р. 304]. Не случайно его коллега по другую сторону океана счёл необходимым напомнить, что, «принимая за основу социологический подход, исследователи журналистики тем самым формируют представление о ней, прекрасно вписывающееся в рамки социологии, но, по-видимому, ни в какую другую научную область. Принимая во

выявление комплексную и многогранную природу журналистики, это может означать, что мы упускаем многое из того, что составляет журналистику» [134, p. 81].

М. Шадсон, хотя и менее категоричен, чем Ж. Челаби, тем не менее во многом близок к его взглядам, поскольку в одной из своих центральных работ «Открытие новостей: социальная история американских газет» утверждает, что «сама идея "новостей" является изобретением "Джексоновской эпохи"» [118, p. 4]. Однако это совершенно противоречит тому очевидному факту, что не «газеты создают новости; новости порождают газеты» [79, p. 6], как отчётливо указывает на то уже само английское слово «newspaper». Более того, сам термин «news» появляется в английском языке в XVI в. в противовес бытовавшему ранее термину «tyding», чтобы подчеркнуть разницу между спонтанными информационными обрывками и осознанной деятельностью по сбору и распространению сведений о текущих событиях [ibid., p. 6].

«Новости имеют древнюю и вездесущую природу: каждое общество обладает системой для отслеживания событий, характеризующихся новизной и отклонением от обычного, поскольку любому обществу необходимо реагировать на изменения той среды, в которой оно существует, — утверждает Д. Нероне. — В этом смысле новости лишены истории, хотя её имеют различные способы их распространения, такие как газеты» [106, p. 196].

Но если, согласно предположению М. Шадсона, часть функций журналистики, включая информационную, в ближайшем будущем может быть перераспределена между не-журналистскими организациями, то это неизбежно приводит нас к необходимости поиска нового основания для её определения, более универсального, чем газеты и даже новости. Например, такого, которое ещё в 1974 г. предложил в своём

главным тезисом эссе «The Problem of Journalism History» американский исследователь Д. Карп: «Журналистика в первую очередь, как с логической, так и с хронологической точки зрения, является не институтом, коммерческим предприятием, набором прав или совокупностью технологий, а культурным и литературным явлением. Технологии журналистики существовали до появления новостей и газет. В сущности, журналистика является формой сознания, способом постижения, опытного познания мира... Эту форму сознания можно постигнуть лишь через её историю и сопоставляя её с более древними формами сознания (мифологического, религиозного), которые она частично заменила, и другими формами, одновременно с которыми она возникает и взаимодействует, – научным сообщением, эссе и реализмом [и философией и искусством]» [67, с. 91].

И это приводит нас к необходимости достаточно глубокого прочтения истории журналистики начиная с того момента, когда на смену мифологической форме сознания начинает приходить современное.

Рекомендуемая литература к главе 1

• **Аполлонова, Л. П.** Журналистика как социальный институт [Текст]: учеб. пособие / Л. П. Аполлонова. – Ростов н/Д: Логос, 2010.

• **Ахмадуллин, Е. В.** Краткий курс теории журналистики [Текст]: учеб. пособие / Е. В. Ахмадуллин. – М.: Ростов н/Д: MapT, 2006.

• **МанКуэйл, Д.** Журналистика и общество [Текст] / Д. МанКуэйл. – М.: МедиаМир: Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2014.

• **Прохоров, Е. П.** Введение в теорию журналистики [Текст] / Е. П. Прохоров. – М.: Аспект Пресс, 2011.

Глава 2. ПРАЖУРНАЛИСТСКИЕ ЯВЛЕНИЯ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Итак, мы упомянули о том, что существует два лагеря исследователей журналистики: одна, подобно Д. Хартели и М. Шадезю, считает её продуктом современности, чья история насчитывает в лучшем случае две-три сотни лет, а другие, как М. Стефенс, полагают, что её корни уходят глубоко в прошлое, ко временам Античности, а возможно, и дальше.

Но что именно в эпоху Античности следует рассматривать в качестве пражурналистских явлений? Существует несколько ответов на этот вопрос.

«Сами журналисты склонны отодвигать дату рождения своей профессии как можно дальше в прошлое, – утверждает в одной из своих работ Ж. Челаби, – и журналисты, переквалифицировавшиеся в историков, часто приводят римские *Acta Diurna*, ежедневные отчёты о политической жизни, записанные на стенах Форума, как первый пример журналистики» [70, p. 1]. Это саркастическое замечание является наглядным примером разногласия двух «интерпретационных сообществ» в журналистике, самих журналистов и её исследователей. Тем не менее в замечании Челаби содержится известная доля правды. Так, в одном из учебников, изданных при поддержке ЮНЕСКО, утверждается: «История современной журналистики уходит в прошлое по меньшей мере ко временам античного Рима. Город обладал всеми компонентами для создания современной медиасистемы: высоким уровнем грамотности и обширной потенциальной аудиторией, испытывавшей значительный интерес к текущим событиям и располагавшей досугом для чтения. *Acta Diurna Populi Romani* (Ежедневные свершения римского народа) представляли собой рукописный отчёт о новостях империи» [96, p. 91].

Наконец, нам вконец не деться от того факта, что к латинскому прилагательному «diurnus», т. е. «ежедневный», восходят своими корнями английские слова «diurnal» и «journalism».

Причина «исторической близорукости» исследователей, подобных Ж. Челаби и Д. Хартези, заключается в том, что они склонны отождествлять журналистику с газетами, – полагает австралийский исследователь К. Уиндшул. По его собственному мнению, «источники журналистики лежат там же, где лежат истоки истории». В качестве подтверждения тому он указывает на «Историю Пелопоннесской войны» Фукидиды, которая, по его мнению, представляет собой «не описание событий прошлого, а, скорее, текущие комментарии о ходе войны по мере её развития». «Фукидид заслуживает признания не только как первый историк, но и как первый журналист, – настаивает Уиндшул, – а его “История Пелопоннесской войны” – как произведение, заложившее фундамент традиции, из которой выросло содержание современных газет и журналов» [133, р. 52].

Наконец, ещё одна точка зрения предполагает, что журналистика является закономерным порождением демократии как формы государственного устройства, а потому истоки первой должны лежать там же, где и второй: «И журналистика, и демократия возникли в античной Греции. Обе оказались неразрывно связаны», – утверждает австралийский автор С. Лэмбл [98, р. 4]. В соответствии с этим взглядом, «главное предназначение журналистики заключается в том, чтобы обеспечивать граждан информацией, необходимой, чтобы они могли оставаться свободными и осуществлять процесс самоуправления» [115, р. 12]. И хотя существование подобной связи порой оспаривается, как это делает соотечественница С. Лэмбла Б. Джанофи, полагающая, что для журналистики важна не демократия как форма политического устройства, а свобода выражения и определённая степень профессиональ-

ной автономии сотрудников СМИ [94], вопрос о взаимосвязи журналистики и демократии, несомненно, заслуживает пристального рассмотрения.

«Афинская демократия не была самой первой в греческом мире, – пишет Н. Е. Суриков. – ...Однако именно демократия, сложившаяся в Афинах классической эпохи, стала, во-первых, самой развитой, сильной и яркой во всей античной истории, во-вторых, наиболее стабильной и долговечной, а не эфемерной, как демократии периода архаики (она просуществовала почти два столетия), в-третьих, оказала, бесспорно, наибольшее влияние на всю последующую историю человечества. Многие ключевые категории (хотя, естественно, отнюдь не все), выработанные афинской демократией, легли в основу устройства современных демократических государств» [46, с. 7–28].

Одним из наиболее важных отличий афинской демократии от современных было то, что она являлась прямой, а не представительной, и её высшей властью выступало общее собрание граждан, а не какой-либо выборный орган, подобный парламенту. Кроме того, большинство выборных должностей в Афинах (за исключением тех, что были связаны с военным войн и управлением финансами) замещались по жребию⁴, и силу чего, как справедливо отмечает Н. Е. Суриков, это была «демократия непрофессионалов» [там же, с. 38].

«Древность не знала представительной системы правления, власть в государстве принадлежала только тем членам правящего сословия, которые являлись в сенат, и только тем гражданам, которые толпились на площади народного собрания и, обращаясь к ним лично, хороший оратор одной выразительной речью мог решающим образом повлиять на госу-

⁴ При этом исполнение подобных должностей оплачивалось. Благодаря чему их могли выполнять не только состоятельные люди, как в олигархическом государстве. Вместе с тем это сильно демократизировало деятельность государственной власти, исключая себя историю Афин, когда благодаря фороу, т. е. жребийному выбору, поступавшему от сословия по Делосской олимпиаде.

дарственную политику», – писал известный российский литературовед М. Л. Гаспаров [12, с. 7]. Эта особенность античных демократий привела к превращению ораторского искусства в необходимый элемент всей государственной системы и, в свою очередь, к появлению софистов – группы странствующих учителей, обучавших молодых людей тому, как добиться успеха в обществе. Средством для этого выступала риторика – искусство говорить красиво и убедительно.

Софистика, утверждает М. Л. Гаспаров, «была духовным детищем демократии. Демократическим было прежде всего само предложение научить любого желающего всем доступным знаниям и этим сделать его совершенным человеком – предложение, которым больше всего привлекали к себе внимание софисты» [там же, с. 9]. Другим проявлением демократического характера софистики, по его мнению, становится признание относительного характера истины. «Человек есть мера всех вещей, тех, которые есть, – что они есть, тех, которых нет, – что их нет», – утверждал Протагор из Абдеры, а следовательно, каждый вправе иметь своё мнение о любом предмете, и оно имеет столько же прав на существование, как и любое другое. В подобной ситуации нельзя утверждать, что одно из них является более истинным, можно лишь признать, что одно мнение убедительнее другого. Обучением тому, как представить своё мнение наиболее убедительным, и занимались софисты.

Тремя основными разновидностями красноречия, выделившимися в период Античности, выступали: совещательное (симбулатическое), торжественное (дидактическое) и судебное.

Судебные речи являлись наиболее распространённым и прижизненным видом красноречия. Создание суда присяжных – голония – стало важной частью реформ отца-основателя афинской демократии Солона. Закон предусматривал, что любой житель города должен лично отстаивать свою позицию в суде, что

закономерно привело к появлению логографов – людей, занимавшихся составлением судебных речей на заказ. Это было не слишком почитаемым, зато доходным занятием, которому отдали должное многие видные ораторы древности, включая Цицерона и Демокфена. Последний даже сумел вернуть себе таким образом состояние, расхищенное недобросовестными опекунами.

Одним из наиболее известных афинских логографов считается Лисий, мастерство которого, по свидетельству историка античной литературы И. М. Троянского, заключалось в умении создать у суда благоприятное впечатление о личности говорящего, представить её в наиболее выгодном свете, сохраняя при этом всю её жизненность и естественность. Но при этом данный портрет мог быть очень далёким от действительности [49, с. 176], что становится одной из причин критического отношения к риторике со стороны Сократа. В одном из диалогов Платона он говорит, обращаясь к своему собеседнику: «В судах решительно никому нет никакого дела до истины, важна только убедительность. А она состоит в правдоподобии, на чём должен сосредоточить своё внимание тот, кто хочет произнести искусную речь. Иной раз в защитительной и обвинительной речи даже следует умолчать о том, что было в действительности, если это неправдоподобно, и говорить только о правдоподобном: оратор или всех сил должен гнаться за правдоподобием, зачастую распрощавшись с истиной. Провести это через всю речь – вот в чём и будет состоять всё искусство» [39, с. 463].

Это критическое замечание, вложенное Платоном в уста своего учителя, является лишь одним из проявлений глубокого конфликта между софистикой и философией, закономерно вытекающим из релятивистского подхода софистов к истине.

Риторика представляется Платону дисциплиной, лишённой собственного содержания, которой он отказывает даже в праве называться искусством: «Искусством я его не признаю –

это всего лишь сновидца, – ибо, предлагая свои советы, оно не в силах разумно определить природу того, что само же предлагает, а значит, не может назвать причину каждого из своих [действий]» [40, с. 287]. Он считает её лишь «призраком одной из частей государственного искусства» [там же, с. 286], угодничеством, которое «принимается тем искусством, за которым укрылось, но о высшем благе нисколько не думает» [там же, с. 287].

Будь это иначе, главной задачей риторики стало бы «познавать истину относительно любой вещи, с которой говоримы или пишешь; суметь определить все соответственно с этой истиной, а дав определение, знать, как дальше подразделить это на виды, вплоть до того, что не подпадёт целиком. Природу души надо рассматривать точно так же, отыскивая вид речи, соответствующий каждому природному складу, и таким образом строить и увародчинять свою речь; к сложной душе надо обращаться со сложными, разнообразными речами, а к простой душе – с простыми. Без этого невозможно искусно, насколько это позволяет природа, овладеть всем родом речей – ни теми, что предназначены учить, ни теми – что убеждать» [39, с. 468].

Как утверждает М. Л. Гаспаров, выступление Платона против риторики становится высшей точкой в противостоянии философии и риторики, вслед за чем неизбежно последовало их определённое сближение. Со стороны риторики первый шаг в этом направлении совершает Исократ.

Ученик одного из наиболее известных представителей старшего поколения софистов, Горгия из Леонтина, Исократ являлся продолжателем традиций практического красноречия. Около десяти лет своей жизни он посвятил ремеслу логографа, после чего обратился к более почётному занятию – политической деятельности. Однако, не располагая природными задатками, необходимыми для успеха на этом поприще, Исократ решил посвятить себя преподаванию красноречия.

Программу своей школы он изложил в речи «Против софистов», написанной около 390 г. до н. э. Она в равной степени направлена как против философов, *обучавших добродетели*, так и против тех преподавателей красноречия, *которые чье придают никникого значения ни опыту, ни природным дарованиям ученика, но утверждают, что искусство красноречия они смогут передать всё равно что знание алфавита»* [19, с. 284]. В противоположность первым Исократ полагает, *«что вообще нет никакого такого искусства, которое могло бы привить целомудрие и справедливость людям с плохими задатками к добродетели»* [там же, с. 287]; в отличие от вторых – что *«способность к ораторской деятельности и ко всяким другим занятиям присуща прежде всего тем, кто одарён от природы и кто достаточно много занимался этим на практике»* [там же, с. 285–286].

Обучение риторике в школе Исократа предполагало овладение всей суммой знаний, необходимой для деятельности успешного оратора, более того, оно становится средством не только образования, но и воспитания, поскольку именно занятие политическим красноречием, по убеждению Исократа, более всего могло бы побудить человека к выработке добродетели и чувства справедливости [там же, с. 287]. Понятая таким образом, риторика вступает в прямую конкуренцию с философией.

Со стороны последней первые усилия по объединению с риторикой предпринял Аристотель, попытавшийся превратить её в искусство, право называться которым не признавал за нею Платон. Аристотель посвящает риторике одноимённый труд, состоящий из трёх книг. В первой из них он рассматривает место риторики среди других наук. С его точки зрения, она выступает *«как бы отраслью диалектики и той науки о нравах, которую справедливо назвать политикой»* [4, с. 68], а её предназначение заключается не в том, чтобы *«убеждать, но в каждом отдельном случае находить способы убеждения»* [там же, с. 65].

Существует три разновидности подобных способов: «...одни из них находятся в зависимости от характера говорящего, другие – от того или иного настроения слушателя, третьи – от самой речи» [4, с. 67]. Аристотель довольно критично настроен в отношении первых двух, поскольку, с одной стороны, достижение стоящей перед оратором цели «должно быть не следствием ранее сложившегося убеждения, что говорящий обладает известными нравственными качествами, но следствием самой речи» [там же], а с другой – «не следует, возбуждая в судье гнев, зависть и сострадание, смущать его: это значило бы то же, как если бы кто-нибудь искривил ту линейку, которой ему нужно пользоваться» [там же, с. 60].

«...Всего справедливее стремиться только к тому, чтобы речь не причиняла ни печали, ни радости: справедливо сражаться оружием фактов так, чтобы всё находящееся вне области доказательства становилось излишним», – считает Аристотель [там же, с. 253]. Однако вследствие нравственной испорченности слушателя важное значение приобретают не только инерционные средства убеждения, которые он, наряду с собственно риторическими, вынужден рассмотреть во второй книге своего труда, но и стиль речи, которому посвящена заключительная, третья книга. При этом Аристотель поступает как истинный философ, предлагая читателю не «примудливое, элленстическое, хотя и достаточно гибкое сочетание фрагментов искусства красноречия и софистики» [7, с. 828], как в случае с Исократом, а логически стройную систему, в которой всё, что возможно, подразделено чья-либо вид, вплоть до того, что не поддаётся делению. Так, например, во второй книге Аристотель производит исчерпывающую классификацию приёмов и методов воздействия на слушателя в зависимости от их возраста, нравов и свойств.

И хотя в дальнейшем «Риторика» Аристотеля оказалась менее востребованной, чем практические наставления в обла-

сти ораторского искусства, она заложила для него прочный этический и теоретический фундамент, в силу чего не утратила своего значения и до сих пор. Так, например, её основные положения становятся важным компонентом того рецепта счисления, который предлагает для журналистики в современных условиях М. Стефанс [127, р. 15–27].

Возможно, Аристотель и превосходил Исократа как теоретик⁴, тем не менее невозможно отрицать огромное значение для культурной и политической жизни Афин IV в. до н. э. основанной Исократом ораторской школы. По утверждению Цицерона, из неё, «точно из Троянского коня, вышли сплести одни герои; но одни из них предпочли блистать в параде, другие – в битве» [59, II, 22]. Выпускниками Исократа были видные ораторы Исок, Лискург и Гиперид, историки Андротим, Эфор и Феопомп, видный афинский полководец Тимофей.

Преподавание не заставляло Исократа отказаться от составления политических речей. Но поскольку, как отмечалось выше, он не обладал природными задатками, необходимыми для оратора, Исократ предпочитал распространять свои произведения в письменной форме.

К первому десятилетию его преподавательской деятельности относится появление таких речей, как «Бусириос» и «Похвала Елене», созданных, как и одноимённое произведение его учителя Горгия, в качестве риторических упражнений. Обе они относятся к эпидеикстическому красноречию, однако уже здесь заметно стремление Исократа преобразить их в нечто большее, использовать для выражения определённых политических идей. Так, в «Бусириосе» отчётливо прослеживается стремление к идеализации монархии как формы государственного устройства, а в «Похвале Елене», помимо попытки создать образ идеального царя,

⁴ Об этом трудно судить с достоверностью, поскольку написанные Исократом руководящие по риторике не дошли до наших дней, а из его письменной речи «Битва софистов» сохранился лишь небольшой фрагмент.

он впервые провозглашает одну из своих главных политических идей – объединения эллинов для похода против Персии.

Восторженному обоснованию данной идеи Исократ посвящает своё первое и одновременно одно из главных политических произведений, – «Панегирик». Его первая часть написана в лучших традициях мидейитического красноречия и представляет собой прославление родного города, ставшее целью обосновать право Афин на гегемонию в греческом мире. Однако эта гегемония выступает для Исократа не самоцелью, а лишь средством для решения внутренних проблем Эллады. Вторая часть «Панегирика» имитирует симбулестическую, т. е. советательную речь, в которой Исократ призывает греков к совместному походу на Восток, не только описывая выгоды, которые сулит им подобная война, но и обосновывая практическую осуществимость своего замысла. Так возникает тот «серединный» жанр, который, считая в себя элементы риторики и политики, станет публицистикой⁴ [7, с. 828].

«Творческое наследие Исократа в значительной степени приближено к европейской публицистике нового времени», – утверждает Ю. В. Лучинский [30, с. 10]. Ещё дальше в своей оценке Исократа заходит Е. Н. Корнилова, когда называет его «журналистом, создателем жанровых форм политического руководства (инструкции), открытого письма, обличения или панегирика в современном понимании этого слова» [26, с. 43]⁵.

Полной противоположностью Исократу выступает Демосфен, вошедший в историю греческой литературы как завершитель эпохи аттического красноречия, последний и са-

⁴Сравнительно рано следует признать, что Е. Н. Корнилова не только проводит чёткой грани между журналистикой и искусством, но и свидетельствует о наличии явления «Современная журналистика steadily строится от жанровой специфика искусства (художественной поэмы, повествовательной прозы и т.д.) к жанру или функциям или жанровым (публицистическая речь и публицистическая проза)», хотя признаёт Исократу при создании торжественных фигуративных элементов условия созданных мидейской прозой и других политических лидеров [26, с. 55].

мый замечательный художник публичной речи в эпоху греческой независимости» [49, с. 179].

Демосфен, как и Исократ, не обладал природными качествами, необходимыми для публичного оратора, однако упорной работой над собой он сумел преодолеть свои недостатки⁷ и превратиться в одного из выдающихся представителей политического красноречия. «В противоположность холодному и бесстрастному Исократу Демосфен сочетает совершенное владение приемами ораторского искусства с пламенным пафосом борца, – отмечает И. М. Троицкий. – Он использует все выразительные средства речи, выработанные греческим красноречием, включая и прозаический ритм; для каждого настроения он находит соответствующий тон. В его сжатом и суровом стиле звучит страстная убежденность, и сила аргументации захватывает слушателя. Эту силу признавали и его политические противники» [там же].

И всё же главная заслуга Демосфена заключается не в мастерском владении словом, красноречие являлось для него лишь средством в борьбе за свои политические идеалы. Здесь он вновь выступает яркой противоположностью Исократу, на зарке своей карьеры связывавшему надежду на объединение Эллады ради похода на Восток с фигурой македонского царя Филиппа, которому в 344 г. до н. э. посвятил одну из своих последних речей⁸. Для Демосфена напротив, борьба против македонской экспансии в Греции становится главным делом жизни, а восемь речей, направленных против Филиппа и известных под общим названием «Филиппики», становятся одной из признанных вершин его красноречия.

⁷ Подробнее об этом см.: [40, 7–11].

⁸ Согласно комментарию к этой речи, составленному неизвестным автором, «получив в противя эту речь, Филипп не получил удовольствия и был смеется, но отказался от исполнения до другого времени. Однако позже сын его Александр тоже прочитал эту речь и, возмущенный ею, предпринял поход против Дария Восточного» [18, с. 80].

Это был неравный поединок. По словам самого Демосфена, его противник «был сам над всем господником, вождем и хозяином. Ну, а я, поставленный один на один против него... над чем имел власть? – Ни над чем! Ведь, прежде всего, само это право выступать с речами перед народом, единственное, что было в моем распоряжении, вы мне предоставляли в такой же степени, как и людям, состоявшим на жалованье у него, и в чем им удавалось одерогить верх надо мной (а такие случаи бывали часто и по любому поводу), это самое вы и предоставляли на пользу своим врагам перед тем, как разойтись на Собрания» [15, с. 280].

Но и в подобной ситуации Демосфен оказался для Филиппа грозным соперником. Как писал Лукьян Самосатский, даже после решающей победы македонцев в битве при Херонее Филипп продолжал контрять, насколько тот опасен для него: «Хотя мы и одолели, говорил он... тем не менее Демосфен поставил меня в опасное положение: от исхода одного дня зависели и власть моя, и жизнь. Демосфен связал в одно целое важнейшие государства, собрал всю эллинскую силу: афинян и бсотийцев, как из Фив, так и из других городов, и коринфян, и абейцев с мегарцами; он заставил могущественнейшие общины разделить опасность с афинянами и так и не допустил меня проникнуть в пределы Аттики» [28, с. 38].

Чтобы добиться подобного влияния, необходимо было быть не только выдающимся оратором, но и дипломатом, публицистом, аналитиком и, наконец, решительным человеком, умеющим брать на себя ответственность за политические решения» [26, с. 65]. Справедливости ради следует признать, впрочем, что далеко не все авторы признают за речами Демосфена право называться публицистикой в современном понимании этого слова. «...Насколько велика профессиональная близость деятельности политического оратора, подобного Демосфену, деятельности публициста? – задаётся вопросом

В. В. Учинова в своей известной монографии «У истоков публицистики». – На наш взгляд, сходство значительно. Оно в политической актуальности, практической действенности речей, их ориентации на оперативный общественный резонанс. Но есть и отличия – нетождественность устных и письменных речевых средств отображения действительности и воздействия на неё» [53, с. 15].

Возможно, подобное замечание и уместно в отношении Демосфена, который, по словам Плутарха, хотя и не выступал без предварительных заметок, всё же не писал своих речей целиком [41, 8]. Кроме того, по свидетельству современников, «живое его слово отличалось большей дерзостью и отвагой, нежели написанное» [там же, 9]. Однако подобное трудно утверждать об Исократе, у которого совершенно очевидно «спидейстическая речь становится... формой публицистики. Речь эти уже не произносятся, а только издаются как политические памфлеты» [49, с. 177] (см. также: [80]).

Нетождественность современной публицистики и журналистики с методами античных ораторов, на наш взгляд, следует искать в иной области. Так, например, Исократ, хотя и утверждал, что послонние «должны быть точными в своих описаниях... и придерживаться суждений, строго соответствующих самой действительности» [19, с. 184], всё же не считал необходимым буквально следовать этому требованию. Е. Н. Корнилова отмечает, что он активно использует «как умолчание, так и искажение событий прошлого и настоящего. Например, для доказательства положения о том, что внешняя политика демократического полка лучше политики Тридцати тиранов, победу Кемона при Киндо (394 г. до н. э.) оратор переносит в 361–360 до н. э. ... С целью создать впечатление о моральном падении греческих полков заключение Анталкидова мира приписано Кеерку, а не Артаксерксу» [26, с. 51].

Но лучший пример в этом отношении представляет и Демосфен, чьи речи также изобилуют примерами искажения и тенденциозной трактовки событий, а также откровенной манипуляции вниманием слушателей. Классическим примером последней выступает его знаменитая речь «За Ктесифонта о венке», в которой он мастерски переключает внимание судей с явного нарушения закона на отрицательные качества своего оппонента и собственные политические заслуги.

Следует помнить, однако, что авторов той эпохи нельзя оценивать с позиций наших дней. Демократическая система управления древнегреческими полисами предполагала, что информация о состоянии дел в государстве в равной степени доступна любому желающему, а кроме того, скорость её распространения в пределах города была такова, что выступающий едва ли мог сообщить новость, уже не ставшую к тому моменту всеобщим достоянием⁶. Поэтому слушатели ожидали от оратора не новых фактов, а их интерпретации, доверие к которой полностью зависело от уважения к личности говорящего.

Целая эпоха отделяет Демосфена от другой вершины античного красноречия – Марка Туллия Цицерона. В эпоху эллинизма, как её принято называть, происходят глубокие изменения в социально-политической и культурной жизни греческого мира, которые повлекли за собой существенное падение роли политического красноречия. На смену этому упадку придёт новый расцвет ораторского искусства в Риме в I в. до н. э., во многом оказавшийся возможным благодаря наследиям аттического красноречия.

Неудивительно, что в речах Цицерона мы находим те же особенности, что и выступлениях Демосфена. Так, одна из его

⁶ В V в. до н.э., когда Афины составляли центром греческого мира (в это время там жили известные Платон, Аристофан, Еврипид и Софокл, историк Геродот и Фукидид, философ Сократ, поэт Симонид, скульптор Фидий), население города составляло всего около 40 тыс. человек, а сам он занимал территорию вокруг Акрополя площадью примерно четыре квадратных километра.

наиболее знаменитых речей, «Против Катилины», знаменующих вершину политической карьеры Цицерона, не содержит практически никаких весомых улик против Катилины, и главным доказательством его преступных намерений становится порочный характер обвиняемого: «Каким позорным клеймом ещё не отмечена твоя семейная жизнь? А твои частные дела? Какого безобразного поступка не разнесла ещё твоя слава? Упустил ли ты когда случай потешить свой позотливый взор? Удержал ли руки от какого злодеяния? В каком разврате не погряз ты всем телом? Не ты ли расставлял юношам сети порочных соблазнов? А сокротив кого-то, не ты ли вкладывал ему в руки дерзостивый меч? Не ты ли поощрял в нём самые низкие страсти? И во всяких его похождениях не ты ли шёл впереди, освещая дорогу?» [60, VI, 13]¹⁰.

Политические выступления Демосфена и Цицерона, несомненно, представляли собой пример целенаправленного распространения в массе людей сведений, оказывающих на них идейно-психологическое воздействие, формирующих их мнения, представления, стремления, побуждающих к тем или иным действиям, в силу чего, по утверждению Е. П. Прохорова, их можно рассматривать как «яркое проявление того, что можно уже с большой определёностью назвать прагматической деятельностью» [42, с. 33].

Но, как мы видели выше, она плохо согласуется с одним из основополагающих требований современной журналистики о точности и достоверности распространяемой информации, из чего можно сделать вывод, что и Демосфену и Цицерону восходит своими корнями лишь одна из функций журналистики – мобилизационная. По утверждению Шадсона, она являлась основной для американской журналистики вплоть до по-

¹⁰ Аналогичным образом характер обвиняемого становится одним из главных аргументов в пользу виновности обвиняемого в другой знаменитой речи Цицерона – «В защиту Сестия Руприя по Агриппе» [67, XVI, 88–11].

следних десятилетий XIX в. (а в некоторых странах и дальше), после чего её сменяла в качестве таковой информационная функция, истоки которой следует искать в другой области античной литературы – историографии.

«Кому же неизвестно, что первый закон истории – ни в коем случае не бояться правды; не допускать ни тени пристрастия, ни тени злобы... А характер изложения и слог должны быть ровным, плавным, со спокойной размеренностью, без всякой судебной резкости и без всяких ядовитых словечек, обычных на форуме», – отмечал Цицерон в своём трактате «Об ораторе» [59, II, 15, 62–64].

Естественно, как и в случае с речами ораторов, далеко не все произведения древних историков отвечали этому требованию, и связи с чем в античной историографии выделяют два направления: риторическое и исследовательское.

Для риторической историографии характерно продолжение традиций эпидейктического, т. е. торжественного красноречия. Его первопроходцами выступили два ученика Исократ, Эфор и Феофант, ставившие своей целью похвалу добродетели и порицание тех, кто этого заслуживает. Во времена Древнего Рима это направление достигает своего пика в творчестве так называемых младших анналистов, для которых, по утверждению С. Л. Утченко, «история превращается в раздел риторики и в орудие политической борьбы» [52, с. 228].

Второе, исследовательское направление историографии представлено такими совершенно разными, на первый взгляд, авторами, как Геродот, Фукидид, Полибий, которых тем не менее объединяет «подход, в рамках которого история понималась не как сухое, чисто описательное изложение фактов, а обязательно как исследование» [47, с. 183]. Само слово «история», использованное Геродотом в качестве названия для сво-

его труда, в переводе с древнегреческого означает «написанные» [49, с. 167]. Его цель заключается в том, «чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности, а особенности же то, почему они вели войны друг с другом» [13, I].

Известный швейцарский журналист Жан Виллен рассмотрел в Геродоте отца не только истории, но и современного репортажа, «ибо для него "историческое" большей частью имело значение... лишь постольку, поскольку оно могло способствовать лучшему пониманию времени, в котором он жил, для которого он писал и которое к тому же было столь увлекательным, волнующим и исторически великим. Его внимание привлекала к себе современность, поднимая, каждый день приносящая неслыханные новости, ошеломлявшая событиями и открытиями. Её-то Геродот и стремился исследовать, дописать, сделать понятной. И не случайно, когда дело касалось его текстов, он с особой силой подчёркивал свою роль очевидца, он всегда и неизменно всем своим авторитетом подтверждал достоверность положений и событий, им излагаемых» [11, с. 75].

И всё же Геродот являлся представителем архаической традиции греческой историографии, «рационализмом его не идёт дальше скептического отношения к некоторым грубым представлениям народной веры... Он верит в сны и оракулы. Божественное возмездие за неправду и "чрезмерность", зависть богов к человеческому счастью – всё это представляется Геродоту реальными силами истории» [49, с. 75]. Кроме того, его история достаточно полифонична: в своём повествовании он уделяет довольно много внимания вопросам географии, этнографии, культуры и даже менталитета описываемых народов.

Полной противоположностью Геродоту во многих отношениях выступает его младший современник Фукидид. В отличие от предшественников, писавших преимущественно о прошлом, его побуждало взяться за перо осознание исторической значимости не прошлых, а современных ему событий: «Приступил же он к своему труду тотчас после начала военных действий, предвидя, что война эта будет важной и наиболее достопримечательной из всех, бывших дотоле» [54, с. 5]. При этом Фукидидом движет нечто большее, чем стремление сохранить для потомков «великие и удивления достойные деяния», как в случае с Геродотом; он уверен, что написанное им может оказаться полезным тому, «кто захочет исследовать... возможность будущих событий (могущих когда-нибудь повториться по свойству человеческой природы в том же или сходном виде)» [там же, с. 14].

Если Геродот считал своим долгом «передавать все, что рассказывают», включая то, чему сам он верить не собирался [13, VII, 152], то Фукидид руководствовался прямо противоположной установкой: «Что же касается событий этой войны, то я поставил себе задачу описывать их, получая сведения не путём расспросов первого встречного и не по личному усмотрению, но изображать, с одной стороны, лишь те события, при которых мне самому довелось присутствовать, а с другой – разбирать сообщения других со всей возможной точностью» [54, с. 13].

В случае с Фукидидом это не просто декларация. «В 430 г. до н. э. Афины поразилла эпидемия чумы, унёсшая десятую часть населения и оказавшаяся одним из главных факторов их окончательного поражения в войне, – пишет К. Уиндшул. – Описание симптомов болезни у Фукидида является настолько точным, что на их основании современные медики могут диагностировать её как лёгочную или бубонную чуму... Это явля-

отся свидетельством очевидца, и, на мой взгляд, вне всяких сомнений это журналистика» [133, р. 53]¹¹.

Но это не единственное из качеств, которыми, по мнению К. Фукидида, современная западная журналистика обязана труду Фукидида: «Его полнота отстраненности от собственного полка в этой войне, а также доминирующей религии представляли собой глубоко революционный шаг как для самого Фукидида, так и для заветающего им культурного наследия. Ни одна культура не порождала подобной идеи ранее, и вплоть до настоящего времени очень мало культур за пределами Запада оказались способны на такое. Готовность отстраниться от собственной культуры, взглянуть на себя со стороны и выступить критиком собственной деятельности является типично западной идеей и одной из наиболее сильных сторон западной культуры, возможно, даже самой сильной» [ibid., р. 56].

«История Пелопоннесской войны» Фукидида становится одной из вершин античной историографии, оказавшей заметное влияние на произведения многих последующих авторов, включая появившиеся на три с половиной века позже «Записки о Галльской войне» Юлия Цезаря. Все без исключения критики отмечают в качестве одного из их главных достоинств простоту и доступность изложения. Даже Цицерон признавал, что «ниме нельзя не восхищаться... в них есть нагая простота и прелесть, ибо они, как одежды, лишены всяких ораторских прикрас. Его целью было снабдить тех, кто захочет написать историю, готовым материалом для обработки; не разве что глупцы обрадуются случаю приложить к написанному им слову

¹¹ Справедливости ради следует заметить, что полнота этого прозвища Фукидид критиковал в отношении речей, составляющих, по подсчетам комментаторов, от 20 до 30 % его труда: «По до речей была произнесена перед войной, так и во время ее, та в точности изложена и воспроизведена на словах была повторена — на тех, которые мне пришлось самому слышать, на тех, о которых мне передавали другие. Но то, что, по-моему, каждый оратор мог бы сделать самого изощренного по данному вопросу Гереида и, возможно, возможно Симаха, воспроизведения, общего смысла действительности произнесенных речей, это и я делал и не говорил в моей истории» [54, с. 18].

принципы для лавинки, люди же здравомыслящие никогда не возьмутся за перо после него, так как незамейбливая и ясная краткость – самое лучшее украшение истории» [46, 75, 262]. Однако это лишь кажущаяся простота. Цезарь был одарённым оратором и литератором, прошедшим обучение у того же знаменитого родосского ритора Мелона, что и сам Цицерон.

«Записки о Галльской войне» написаны в тот момент, когда политические оппоненты из сенатской партии, встревоженные успехами Цезаря в Галлии, попытались привлечь его к суду, обвинив в злоупотреблениях властью. В подобной ситуации Цезарю как лидеру демократической партии необходимо было обратиться к народу Рима через голову сената. Поэтому он избирает форму записок, чуждую литературных прикрас и риторических ухищрений, зато доступную пониманию среднего римлянина. Он всячески стремится создать у читателей впечатление правдивости и объективности своего повествования, избегая лжи, передёргивания фактов и откровенных умолчаний. Несмотря на это, Цезарь мастерски создаёт собственный панегирик, в котором предстаёт как талантливый полководец, мудрый и дальновидный государственный деятель, наконец, истинный поборник демократии, любимый народом и своим войском. Не вызывает сомнений, что ему удалось одержать победу не только в этой, но и в следующей, гораздо более трудной битве за общественное мнение Рима, побудившей его на создание «Записок о гражданской войне».

Политические мотивы лежали и в основе другого, не менее важного для истории журналистики начинания Цезаря. Как утверждает римский историк Светоний, «по вступлении в должность он первый приказал составлять и обнародовать ежедневные отчёты о собраниях сената и народа» [45, I, 20]. Постановления Римского сената, естественно, публиковались и ранее. Вместе с сообщениями финансового характера, а

общения с необычных и примечательных происшествий в этот период выступали лишь случайным дополнением к ним и попадали в *acta*, только если были как-то связаны с иными значимыми событиями, но именно в этих дополнениях, по мнению голландского профессора Х. Л. ван Гессела, чаще всего проявлялись журналистские характеристики *acta Urbis* [131, с. 98]. Примером тому может служить похвальнованная из *acta* Плинием Старшим история казни человека, чья собака не покинула его даже мёртвым, бросившись за телом казненного в Тибр.

Публикация протоколов сената была прекращена уже приёмным сыном Цезаря Августом Октавианом, а после провозглашения империи в её политической системе не оставалось места и для народного собрания. В результате основным источником информации для *acta Urbis* становится императорский двор, что не мешало им достаточно широко освещать городские события: «Так как главная часть *Acta senatus et populi*, та, которая по началу составляла *raison d'être*¹² их существования... всё более и более сокращалась, римские ииенетия, или, если угодно, разные происшествия, прибавляемые к ней, мало-помалу одержали верх, а это должно было привести к превращению второстепенного в главное, что и не замедлило произойти», — писал Г. Буассье в работе «Газета Древнего Рима» [8, с. 24]. «В этой новой форме и так расширившись, древние *acta senatus et populi*, созданные Цезарем, стали неузнаваемы. Поэтому, вероятно, почувствовалась потребность изменить самой их название. Обыкновенно их называют *acta diurna populi romani*. Мы можем перевести это словами "Римская газета"» [там же, с. 26].

Разумеется, называя *acta diurna* газетой, Г. Буассье допускает определённое преувеличение, поскольку, по его собственному признанию, *acta* не имели системы тиражирования

¹² Смысл существования (франц.).

и распространения. Но этот «лишний шаг, единственный, который оставалось сделать, был бы, несомненно, сделан, если бы газета получила своё настоящее значение и если бы потребность в её распространении возбудила дух изобретения» [8, с. 28]. Почему же этого не произошло?

Дело в том, поясняет Г. Буассье, что римляне не слишком высоко ценили свои «газеты» в качестве средства распространения информации и не предполагали, что они пригодны для чего-то большого. «Можно, следовательно, утверждать, что если римляне и имели газеты, то журналистика всё же была неизвестна им», – пишет он [там же, с. 31]. Именно журналистика, по мнению Буассье, превращает газеты в прессу, делает их «орудием, наиболее способствующим распространению идей». В случае с римлянами «она, несомненно, помогла бы им в достижении некоторых из полученных ими результатов, но они добились их и без неё» [там же, с. 32].

Несмотря на то, что *аста* не тиражировались, их содержание широко распространялось по всей территории Римской империи. «Ежедневные ведомости римского народа с особым вниманием читаются в провинциях и войсках, потому что все хочет знать, что ещё натворил Тразон», – писал Тацит о событиях 66 г. н. э., связанных с печальной судьбой сенатора Тразон Пета, казнённого за нежелание участвовать в мероприятиях, которые он считал недостойными [48, XVI, 22].

Каким же образом это происходило? Современный британский журналист Том Стэнфорд высказал парадоксальное по форме, но верное по сути утверждение, что содержание *аста* достигало широкой аудитории благодаря неформальному распространению посредством социальных сетей. Его утверждение справедливо в том отношении, что «коммуникация и все базовые практики, с ней связанные, на самом деле стары как

мир, потому что исторически были одним из цемментирующих общество элементов... С этой точки зрения социальной сетью, с одной стороны, является Twitter, а с другой – многочасовая очередь за похлёбкой где-нибудь в неблагополучном районе Нью-Йорка конца XIX в.» [22, с. 17–18].

К моменту появления *acta* Рим стал слишком большим городом, чтобы информация в устной форме могла распространяться в нём столь же эффективно, как и в греческих полисах тремя столетиями ранее. Уже в 86 г. до н. э. его население достигло 463 тыс. человек, а в первые годы империи оно превысило миллион [131, р. 93]. Неудивительно, что Рим располагал чрезвычайно развитой и эффективной для своего времени системой письменных коммуникаций.

Воским подтверждением её существования может служить обширная переписка Цицерона, значительная часть которой сохранилась до наших дней. Как писал древнеримский историк Корнелий Непот, характеризуя лишь ту её часть, которую составляют письма к Аттику¹⁴, «кто их прочтёт, тому не понадобится историческое повествование о тех временах. В них так подробно описаны политические страсти вождей, развращённость военачальников и перемены, происходившие в государстве, что всё становится живым» [36, 16, 3–4].

Благодаря личной переписке содержание *acta* становилось известным в самых отдалённых уголках империи, они не раз упоминаются в письмах Цицерона и его друзей к нему. У подобного способа распространения, по мнению Т. Стэнлиджа, имелось то преимущество, «что они [друзья] могли выделять наиболее интересные вещи, а также добавлять собственные комментарии и дополнительную информацию в письмо, сопровождавшем копию *acta*. Сочетание личного письма и обобщённой [сводки] новостей имело большую ценность, чем

¹⁴ Древнеримский общественный деятель и близкий друг Цицерона.

каждое из них в отдельности, поскольку они обеспечивали друг для друга дополнительный компонент [124, р. 32].

Но, как свидетельствует одно из писем Цицерона, адресованных его другу, Марку Целлию Руфу, обещавшему держать его в курсе событий во время отсутствия Цицерона в Риме, это не всегда было так: «Как? – восклицает Цицерон. – Ты полагал, что я поручил тебе сообщить мне именно о составе гладиаторов, об отложенных судебных делах, о краже, совершенной Хрестом, и о том, о чём никто не осмелился бы рассказать мне, когда я нахожусь в Риме?» [58].

Иными словами, Цицерон получал от своего друга не просто копию оста в дополнение к личному письму. Если бы это было так, то Целлий, зная интересы Цицерона, мог бы пропустить всё, что не представляло интереса для Цицерона. Однако дело обстоит иначе: «Когда ты уезжал, я обещал составлять для тебя тщательный и полный отчёт обо всём, что происходит в городе; – пишет ему Целлий, – и я проявил определённое усердие, чтобы найти человека, кто сообщал бы о каждой подробности, – настолько оперативно, что я опасался теперь, что ты расценишь его усилия как излишнюю болтливость... Постановления Сената, указы, сенатус консулты и судьи – все они здесь».

Это, в свою очередь, свидетельствует о существовании в Риме людей, составлявших «собрания заметок о городских событиях» (*commentarium regium cibapagium*, как называет их Целлий) и зарабатывавших этим на жизнь (в другом письме он жалуется на то, что они грозят уничтожить его кошелек).

Как же являлись эти профессиональные собиратели новостей? «Это были предки нынешних репортеров, но так как профессия их не пользовалась большим уважением, то их и называли просто ремесленниками (*artificii*), – полагает Гастон Буассье. – Имя Хреста, принадлежащее одному из них, заставляет предполагать, что это были греки, т. е. из тех изворотли-

ных, ловких и смелых людей, которые проникали всюду и готовы были на любую работу, лишь бы не умереть с голоду. Проходя по улицам, слушая разговоры на форуме, они ловили некоторые сведения, соединяли вместе и составляли из них то собрание известий, которому серьезные люди давали иногда не особенно лестное название (*confratio*), но которые тем не менее развлекали на некоторое время римлянина, затерявшегося в каком-нибудь углу Германии или Африки» [8, с. 23].

Однако, по мнению некоторых современных исследователей, эти «собрания известий» выполняли гораздо более важную функцию, истинное значение которой раскрывается при сравнении судьбы древней Римской империи, просуществовавшей более 500 лет, с 27 г. до н. э. по 476 г. н. э., и на пике своего могущества простиравшейся от юга Шотландии до юга Египта, с участием империи Александра Македонского.

«Александр Македонский умер в 323 г. до н. э. в возрасте тридцати двух лет. В течение следующих тринадцати лет две из его жён, мать и все наследники Александра по мужской линии были убиты; его армии сражались друг против друга, а его полководцы – подобно Птолемею в Египте – основывали собственные царства. Великая империя Александра, простиравшаяся от Греции до Индии, распалась на части», – отмечает М. Стефенс в «Истории новостей» [125, р. 50].

Разумеется, «Римская империя обладала мощью, традициями и экономической базой, которых не смогла создать несколько столетиями ранее недолговечная империя Александра Македонского. Но, помимо этого, Рим сумел выстроить удивительно эффективную для своего времени систему распространения письменной информации, благодаря которой образ римской действительности постоянно находился перед глазами его солдат и чиновников, где бы они ни были... Потребовалась Клеопатра, чтобы отвлечь внимание Марка Ан-

тозия от событий в Риме. Города чаще римские полководцы, в отличие от военачальников Александра Македонского, отказывались от любых возможностей создать своё собственное государство, и их легионы неизбежно начинали двигаться назад, в Рим, или на Рим» [125, р. 59].

Как свидетельствует американская исследовательница С. Льюис, посвятившая книгу механизмам распространения новостей в греческих полисах, для древних греков письмо являлось в лучшем случае доказательством к устному сообщению, оно считалось менее, а не более надёжным способом доставки информации, нежели посланец, поскольку могло быть потеряно, украдено или подделано. Письма использовались в тех случаях, когда сообщение было слишком объёмным для запоминания либо его содержание требовалось скрыть от гласа, в силу чего письма имели ауру секретности, плохо совместимую с духом полисной демократии. В отличие от Персии или Рима, сумевших выстроить обширные системы письменных коммуникаций, «греки никогда не испытывали к письму достаточного доверия и потому никогда не пытались использовать возможности письменности в системе распространения новостей» [160, р. 152].

Лишь одно государство того времени могло сравниться с Римской империей по размерам, влиянию и продолжительности существования – это Китайская империя, сложившаяся в период правления династии Хань с 202 г. до н. э. по 221 г. н. э., а затем возрождённая династией Тан в 618 г. Неудивительно, что в Китае, как и в Риме, также имелась развитая система распространения письменной информации.

Чиновники, управлявшие провинциями гигантской империи Хань, включавшей на пике своего развития Маньчжурию, Монголию и Корею, сталкивались с необходимостью постоянно быть в курсе всего происходящего при дворе. С этой целью они создавали в столице представительства из своих

агентов, выполнявших роль корреспондентов. В начале правления династии Хань создание подобных «представительств губернаторов провинций с целью доставки официальных сообщений», получивших название *да*, было узаконено императорским указом.

Для поддержания регулярных коммуникаций в устной форме расстояние, отделявшее агента от его хозяина, зачастую оказывалось слишком велико, и с течением времени информация, собранная для отправки в провинцию, стала оформляться в виде специальных писем, *дыбао*. Они включали в себя официальные указы, новости о повышении и увольнении со службы, меморандумы министров и отчеты обо всем происходящем при дворе.

В III–VI вв. н. э. Китайская империя подверглась нападению с севера и запада, в результате которого была разделена на несколько частей. С её возрождением в период династии Тан (618–906 гг. н. э.) упоминания о *дыбао* как важном источнике новостей начинают появляться вновь. Для работы с сообщениями, поступавшими в столицу и отправлявшимися из неё в провинции, правительство даже создало «Варо официальной информации», своего рода прообраз государственного информационного агентства, под контролем которого на целого ряда *дыбао* составлялись единые информационные письма, рассылавшиеся во все провинции.

Китайский историк Ко Кан-Чен в своих исследованиях утверждает, что информация, распространявшаяся при помощи *дыбао*, позволяла сделать огромную империю управляемой [125, р. 60]. Но если вести речь об аудитории, которую они объединяли, то эта аудитория состояла только из имперских чиновников, поскольку *дыбао* не были предназначены для широких масс. Вместе с тем круг их распространения был достаточно широк для того, чтобы для тиранирования некоторых из них в

период династии Тан использовали разработанную в это время технику ксилографии, т. е. печатания с деревянных блоков.

От чиновников, имевших возможность прочесть *дибао*, о поступающих из столицы новостях далее узнавало остальное население провинций. Но в целом, похоже, правители Китая в те годы неуклонно придерживались одного не слишком сложного правила, предложенного Конфуцием: они предпочитали держать своих подданных в неведении. Нет никаких свидетельств того, что *дибао*, подобие *асла*, когда-либо выставлялись на всеобщее обозрение, да и грамотность была достоянием очень узкого круга государственной элиты.

Тем не менее Китаю журналистика обязана двумя важными изобретениями: бумаге и печатанию при помощи подвижных литер. Согласно легенде, бумагу – относительно недорогой писчий материал, без которого было бы невозможно действительно массовое размножение рукописных, а затем и печатных текстов, – изобрёл в 105 г. н. э. енух по имени Цай Лунь. Пройдёт более тысячи лет, прежде чем секрет её изготовления станет известен в Европе.

Печать с наберной формы также была изобретена в Китае. Об этом можно узнать из книги под названием «Заводь сновидений». Это своего рода энциклопедия, составленная китайским автором Шань Ко в 1088 г. н. э. В одной из её статей можно прочесть следующее: «В годы правления Цян Ли (1041–1048) некий простодушный Би Шэн сделал подвижной шрифт по следующему способу: взял валяную глину, он вырезал в ней знаки высотой с ободок монеты, причём каждый иероглиф составлял отдельную печать. Для придания литерам крепости он обжигал их на огне. Потом он брал приготовленную заранее железную доску и покрывал её смесью из сосновой смолы, воска и бумажного пошла. Прежде чем печатать, Би Шэн помещал на доску железную рамку для разделения

строки. Эта рамка заполнялась поставленными в ряд печатами, составляя сплошную доску для печатания. Затем Би Шэн подносил её к огню и нагревал. Когда паста от тепла размягчалась, он накладывал поверх литер гладкую доску, после чего поверхность их делалась ровной, как точильный камень. Этот способ невыгоден для печатания 2–3 экземпляров, при печатании же нескольких сот или тысяч достигается необыкновенная быстрота» (цит. по: [35, с. 42]).

«Для каждого знака, – продолжал автор, – имелось несколько литер, а для часто употребляющихся знаков... двадцать и более, на случай возможного повторения этих знаков на одной и той же странице... Если встречался редкий знак, не приготовленный заранее, его тут же вырезали и обжигали на огне от соломы, так что он сразу был готов» [там же].

Почему Би Шэн использовал для изготовления своих литер глину, а не дерево, несмотря на широко распространённую к тому времени технику ксилографии? Шань Ко поясняет это следующими образами: «Он не пользовался деревом, потому что древесная ткань бывает то грубой, то тонкой, т. е. неоднородной, а кроме того, дерево впитывает влагу, вследствие чего составленная (из литер) форма делается неровной» [там же].

Окончив печатание, Би Шэн подрезал форму к огню. Паста расплавлялась, и литеры выпадали сами собой, не оставляя никаких следов глины.

Однако изобретение Би Шэна не получило распространения в Китае и вскоре оказалось забытым. Причина тому кроется в самом характере китайской письменности. Как писал Дэвид Дирингер в своей книге «Алфавит», «ни один китаец не знает всех восьмидесяти тысяч китайских знаков; в настоящее время образованные китаицы пользуются примерно десятком тысячами знаков, однако этим количеством знаков овладеть далеко не просто. Насколько же проще употребление

всего-навсего двадцати двух, двадцати четырёх или двадцати шести знаков» [16, с. 55]. Именно последнее обстоятельство станет одним из важнейших факторов успеха Иоганна Гутенберга и причиной того, что новая эпоха в развитии массовых коммуникаций начнётся не на Востоке, а на Западе.

Рекомендуемая литература к главе 2

- Буассье, Г. Газета Древнего Рима [Текст] / Г. Буассье // История печати: Антология. – М.: Аспект Пресс, 2008. – Т. 3. – С. 5–32.
- Карналова, Е. Н. Риторика – искусство убеждать. Своеобразие публицистики античной эпохи [Текст] / Е. Н. Карналова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002.
- Куле, К. СМИ в Древней Греции: сочинения, речи, рассуждения, путешествия... [Текст] / К. Куле. – М.: Новое литературное обозрение, 2004.
- Пруцков, Г. В. Введение в мировую журналистику. От Античности до конца XVIII века [Текст] / Г. В. Пруцков. – М.: Аспект Пресс, 2010.
- Тромский, Н. М. История античной литературы [Текст] / Н. М. Тромский. – М.: Высшая школа, 1983.
- Учёмова, В. В. У истоков публицистики [Текст] / В. В. Учёмова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989.

Глава 3. КНИГОПЕЧАТАНИЕ И ПЕРВЫЕ ГАЗЕТЫ

«Французская девушка-крестьянка, силетившая деморализованную армию своей страны в борьбе против вторжения английских войск; турецкий правитель, завоевавший Константинополь и расширивший тем самым пределы империи, просуществовавшей дольше всех других в минувшем тысячелетии; итальянский мореплаватель, переплывший океан в 1492 г. Жанна д'Арк, султан Мехмед II и Христофор Колумб, несомненно, вошли в историю. Но их современники по XV веку сделал [нечто большее]: разработал революционный способ не только прославить их имена и деяния, но и объединить все знания мира» [84].

Человек, о котором идёт речь на страницах последнего номера американского журнала «Time» за 1999 г., – это Иоганн Гутенберг. Его изобретение имело настолько далекоидущие последствия, что он неоднократно признавался человеком тысячелетия по самым разным версиям (см. например: [83, р. XI]). «Если бы не Гутенберг, Колумб мог бы никогда не отправиться в плавание, гений Шекспира умер бы вместе с ним, а “95 томов” Мартина Лютера остались бы висеть на дверях [его церкви] никем не замеченные» [ibid., р. 2].

Но что именно он изобрёл? Ответ на этот вопрос не так прост, как может показаться на первый взгляд.

Печатный станок?

В общем и целом его конструкция мало отличается от тех прессов, которые с античных времен использовались в виноделии, а позже, в средние века, – для производства бумаги. Гутенберг ввёл в него лишь отдельные небольшие доработки, чтобы приспособить для своих целей.

Подвижные литеры?

Они также известны человечеству с глубокой древности, как свидетельствует, например, знаменитый «Диск из Фестоса», датированный примерно 1700 г. до н. э. Обнаруженный в 1908 г. итальянским археологом Луиджи Перинье во время раскопок на южном побережье острова Крит, он представляет собой диск из обожженной глины диаметром от шестнадцати до шестнадцати с половиной и толщиной от полутора до двух сантиметров. С обеих сторон он покрыт нанесенными по спирали пиктографами, сгруппированными в прямоугольные ячейки по 2–7 знаков в каждой. Всего подобных ячеек 30 с одной стороны и 31 – с другой. Общее количество пиктограмм с обеих сторон диска составляет 242 или 243, но большинство из них повторяется от 5 до 6 раз. Общее количество уникальных символов равняется 45; иными словами, в распоряжении человека, изготовившего «Диск из Фестоса», имелись 45 предварительно выгравированных печатей-штампов, которые он последовательно отпечатывал на сырой глине, после чего диск подвергся обжигу. Таким образом, он является самым ранним из известных нам примеров не только использования подвижных «литер», но и печатания вообще, поскольку, по справедливому утверждению Е. Л. Номировского, «сущность полиграфического процесса, составляющего материально-техническую основу книгопечатания, заключается в формировании аналогичного какому-то первичному оригиналу красочного слоя и его передаче на некоторую воспринимающую поверхность, например бумагу», а его технические истоки следует искать в беспрерывном формировании рельефных изображений, подобных тем, которые нанесены на поверхность «Фестосского диска» [35, с. 11].

Не был забыт этот принцип и в последующие времена, множество примеров чему можно отыскать в Древнем Риме и средневековой Европе. Не следует забывать и об изобретении

Би Шэна в Китае. Трудно сказать, знал ли с ним Гутенберг, но если даже и знал, то разработанный им полиграфический процесс значительно отличался от применявшегося в Китае. Во-первых, он использовал металлические, а не глиняные литеры. Во-вторых, в Китае печатали только на одной стороне листа, двухсторонняя печать возможна лишь при помощи печатного станка, которого в Китае не существовало. И наконец, китайские печатники использовали чернила на водной основе, тогда как европейские печатники с самого начала применяли типографскую краску на масляной основе.

Тогда, возможно, Гутенберг был первым, кто изготовил литеры из металла?

Тоже нет. В 2001 г. на 5-й конференции Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО первой в мире книгой, отпечатанной при помощи подвижного металлического шрифта, признана «Чжунцзин Сяньцзе Ёжэоля», увидевшая свет в Корее в 1377 г., на 78 лет раньше Библии Гутенберга.

В чем же тогда состоит его заслуга?

Академик В. И. Вернадский следующим образом ответил на этот вопрос: «Открытие Гутенберга с технической стороны имело длинную и медленную историю. Он применил в своём деле, несколько изменив, те аппараты и приборы, которые были выработаны долгой историей техники и вначале служили совсем для других целей» [10, с. 88].

Действительно, как мы убедились выше, основные приёмы и методы, использованные Гутенбергом, были известны человечеству с глубокой древности, но, независимо применявшиеся в разных странах в разные времена, они, однако, не имели последствий, хотя бы отдалённо сопоставимых с той коммуникационной революцией, начало которой положил Иоганн Гутенберг своим изобретением.

Почему же ему это удалось?

«Гутенберг разработал новую технологию культурного характера, – отмечает современный немецкий исследователь Рудольф Стобер, – и одновременно с этим создал первую модель массового индустриального производства» [129, р. 149].

Но тот факт, что Гутенберг оказался самым важным изобретателем всех времён, стал результатом пяти счастливых совпадений:

- во-первых, он жил в обществе, использующем алфавит;
- во-вторых, он был кволиром, и потому в качестве технологической базы своего изобретения мог использовать гравировку и металлическое литьё;
- в-третьих, Гутенберг жил в долине Рейна, где производство вина было знакомо каждому. Его печатный пресс стал усовершенствованной моделью винного пресса;
- в-четвёртых, он жил в Майнце, богатом торговом городе, где у него была возможность брать займы для своих экспериментов огромные суммы денег;
- и наконец, Майнц располагался в самом центре Европы, в силу чего изобретение Гутенберга быстро распространилось по всей её территории.

До Гутенберга рукописные книги были чрезвычайно дороги. Одна иллюстрированная книга могла стоить целое состояние. Библия Гутенберга также была достаточно дорогой: за её цену можно было приобрести городскую дом. И всё же она стояла в три-пять раз дешевле рукописной иллюстрированной Библии своего времени. Кроме того, цена печатных книг постоянно уменьшалась. В 1522 г. ремесленники и даже крестьяне могли позволить себе «Новый завет» в переводе Лютера (*ibid.*, р. 149).

Подобное снижение стоимости явилось прямым следствием «эффекта масштабов производства», неизбежно присущего любому массовому индустриальному производству. Показателем в этом отношении пример, который приводит в одной из

своих книг Элизабет Эйзенштейн: в 1483 г. издание «Диалогов» Платона в переводе Марсилио Фичино в одной из типографий Флоренции стоило заказчику три флорина за каждые 20 страниц текста. Услуги переписчика обошлись бы в один флорин за 20 страниц, но в первом случае заказчик получал 1025 экземпляров, а во втором – лишь один [78, р. 46]. Иными словами, при удорожании производства всего в три раза объём произведённой продукции возрастал в тысячу раз.

«Механизация искусства переписчика была, вероятно, первым в истории случаем сведения ручного ремесла к механическому операции», – писал М. Маклюэн в своей известной работе «Галактика Гутенберга: становление человека печатающего» [32, с. 226]. В качестве подтверждения тому можно выделить три основных части полиграфического процесса, разработанного Иоганном Гутенбергом. Это *словазливный процесс*, т. е. процесс массового производства литер; *наборный процесс*, т. е. подготовка печатной формы, состоящей из заранее изготовленных литер; и собственно *печальный процесс* – производство красочных оттисков, получаемых с наборной формы.

Наиболее важной частью изобретения Иоганна Гутенберга, безусловно, является технология массового производства шрифтов. Ещё в XIX в. среди некоторых исследователей книгопечатания бытовало мнение, что Гутенберг, возможно, отпечатал свою 36-строчную Библию при помощи деревянных, а не металлических литер. Если бы это было так, замечает Е. Л. Непировский, то ему не хватило бы всей жизни, чтобы вытравить необходимый для этого шрифт [35, с. 64].

Вместо этого Гутенберг разработал революционную для своего времени технологию, первым шагом в которой становится гравировка выпуклого зеркального изображения шрифтового знака на торце стального бруска, получившего название пуалсона.

Вдавливая пуансон в более мягкий металл, например в медь, получают углублённое прямое изображение шрифтового знака, или так называемую матрицу, использующуюся для непосредственной отливки литер. Поскольку при помощи одного пуансона можно изготовить огромное количество матриц, а с помощью каждой из них отлить множество абсолютно идентичных литер, это открывает возможность действительно массового производства шрифтов в относительно короткие сроки.

Но вот любопытный парадокс: для печатания текстов на латинском языке достаточно 60, от силы 70 различных литер (25 строчных и столько же прописных букв плюс некоторое количество знаков препинания). Между тем в изданиях Иоганна Гутенберга насчитывается от 150 до 300 шрифтовых знаков, поскольку он использовал несколько начертаний для одних и тех же символов. Зачем же Гутенберг усложнял стоявшую перед ним задачу?

Дело в том, что он ставил своей целью усовершенствование процесса копирования книг, а не их размножения. Не случайно современники восхищались совершенством его творений, а не скоростью их тиражирования [129, p. 149]. Гутенберг, поясняет Е. Л. Номировский, «как многие первопечатники различных стран и народов, в том числе и русские, старался во всём следовать рукописной практике. Чтобы печатная книга была похожа на рукописную, необходимо было в рисунках шрифта воспроизвести хотя бы простейшие каллиграфические украшения писцов, стремившихся нарушить единообразие текстовой полосы» [35, с. 70].

Следующей технологической стадией полиграфического процесса выступает подготовка наборной формы. Это относительно несложный процесс, но он нуждается всё же в специальном инструментарии: наборных кассках для хранения шрифтов и специальной линейке (веретатке), предназначен-

ной для набора отдельных строк текста. Их создание не требовало особой изобретательности, чего нельзя сказать о заключительной, третьей стадии.

Следует заметить, что произведения Гутенберга неизменно восхищают исследователей качеством своей печати. По подсчётам специалистов, суммарное давление при печатании 42-строчной Библии, его главного детища, должно составлять четыре с половиной тонны на страницу [36, с. 76]. Получить его вручную, просто прижимая лист бумаги к печатной форме, невозможно, поэтому Гутенберг использовал для этого механический пресс, в конструкцию которого ему пришлось внести ряд изменений, чтобы приспособить для своих целей.

Давайте задумаемся над тем, какие проблемы стояли перед ним при этом. Во-первых, нанести краску на печатную форму, расположенную под прижимной плитой, и накладывать на неё чистый лист бумаги довольно неудобно, поэтому Гутенберг оборудовал свой станок выдвинутой кареткой, позволяющей выдвигать форму на-под плиты и возвращать её обратно. Во-вторых, накладывать чистый лист бумаги на печатную форму, а затем снимать его требовалось очень аккуратно, чтобы не размазать свежую типографскую краску. Для этой цели каретка снабжена специальной подёмной рамкой, по углам которой установлены иголки для накалывания нового листа бумаги перед наложением на форму. Эта рамка именуется декартовой, по названию того материала, диска, который прокладывался между ней и прижимной поверхностью, чтобы компенсировать их непараллельность и обеспечить равномерность натиска по всей поверхности печатной формы.

Разработанная Гутенбергом конструкция печатного станка без каких-либо принципиальных изменений использовалась в течение нескольких столетий. Лишь в 1798 г. английский учёный и политический деятель Чарльз Стенхоп создал

полностью металлический печатный станок, позволявший печатать одновременно две страницы в формате *in folio* благодаря своей способности выдерживать гораздо большие нагрузки по сравнению с деревянным. Его производительность составляла 250 оттисков в час. Следующим важным шагом на этом пути станет появление в 1814 г. парового печатного прессы, способного производить до 1100 оттисков в течение часа, конструкции немецкого изобретателя Фридриха Кёнига.

Книгопечатание быстро распространилось по всей территории Европы. К 1500 г. типографии существовали уже в 250 европейских городах: 80 – в Италии, 52 – в Германии, 43 – во Франции. Печатный станок в Базеле появляется в 1466 г., в Риме – в 1467 г., в Париже и Пльзне (Чехия) – в 1468 г., в Венеции – в 1469 г., в Лувене (Бельгия), Валенсии, Кракове и Будапеште – в 1473 г., в Вестминстере (находявшемся тогда за пределами Лондона) – в 1476 г., в Праге – в 1477 г. Все эти типографии вместе взятые к 1500 г. отпечатали 27 тыс. книг. Если предположить, что тираж каждой из них составлял хотя бы 500 экземпляров, то к этой дате в Европе на 100 млн человек населения приходилось 13 млн книг [86, р. 13]. Эти первые книги, изданные в Европе до 31 декабря 1500 г., называют инкунабулами (от лат. *incipiunt* – начинают, *abula* – начало).

Чтобы продемонстрировать то значение, которое имело появление книгопечатания для распространения информации, М. Стефенс в своей книге «History of News» сравнивает ситуацию с первым и вторым открытием Америки европейцами. По всей вероятности, они впервые увидели её берега ещё в 986 г., но лишь 15 лет спустя на них высадились викинги под предводительством Лейфа Эриксона. В тот момент устное слово и рукописи оставались единственно возможными средствами распространения информации. Примерно в 1070 г. немецкий каноник Адальм Бременский узнал от датского короля о существовании

ещё одного острова... Он называется Винланд. Таким образом, новость сначала достигла Дании, затем об открытии узнали те немногие в Германии, кому довелось прочесть рукопись Адама Бременского. К тому моменту минуло уже семьдесят лет, и в конечном итоге устного слова и немногочисленных манускриптов оказалось недостаточно для того, чтобы новость о Виналандии смогла достаточно глубоко проникнуть в сознание европейцев, а она сама – превратиться для них в притягательную цель, подобную той, к которой стремился Колумб [125, p. 73].

Лейф Эрикссон вернулся из своего путешествия на отдалённый европейский аванпост на территории Гренландии. Колумб же в 1493 г. – в один из наиболее развитых уголков континента, в силу чего известия о его открытии получили бы распространение и без помощи печатного станка. Но в этом случае они неизбежно пострадали бы от всевозможных задержек и искажений, подрывающих доверие к ним, подобно тому, как это произошло в случае с Эрикссоном.

Однако за двадцать три года до возвращения Колумба в Испанию появился первый печатный станок, который был использован для тиражирования информации о его открытии. Письмо, отправленное Колумбом к королевскому двору, было набрано и отпечатано в Барселоне, вероятно, уже 1 апреля. К середине месяца, когда он прибыл туда сам, по городу циркулировало несколько сотен точных копий его собственноручного отчёта о путешествии.

Это или второе, аналогичное письмо, отправленное Колумбом к испанскому двору 29 апреля 1493 г., было переведено на латинский язык и отпечатано в начале мая в Риме, где, по утверждению одного из биографов Колумба, мгновенно превратилось в «бестселлер». В течение этого года оно ещё дважды передавалось в Риме и, по всей видимости, вскоре после этого было отпечатано в Париже, где, как и в Риме, вы-

держало ещё два переиздания. До конца года оно будет отпечатано также в Антверпене, Базеле и Флоренции [125, p. 75].

Разумеется, новости об открытии Колумба распространились не только в печатной, но и в устной, а также в рукописной форме. Однако в двух последних случаях, по свидетельству М. Стеффенса, они подвергались заметным искажениям. Так, в одном из писем, написанном в Италии, утверждалось, что Колумбу понадобилось шестнадцать дней, чтобы достичь новых берегов (на самом деле тридцать три); другое, принадлежавшее перу торговца из Барселоны, сообщало, что он обнаружил «земли, где люди рождаются с хвостами» (в действительности Колумб лишь упомянул, что слышал о существовании подобных мест от местных жителей) [ibid., p. 74–75].

Печатный станок позволял охватить аудиторию, размеры которой многократно превосходили возможности манускриптов, и благодаря его способности производить тысячи абсолютно идентичных копий одного документа он позволял гарантировать, что сообщение не подвергнется искажению по пути на печатной мастерской к читателю.

Тем не менее власти многих стран опасались, что растущий поток новостей способен ввести их подданных «в заблуждение» относительно мудрости, справедливости и непоколебимости их правителей, что они могут, по утверждению знаменитого английского издателя и цензора Роджера Лестранжа, лишиться своего рассудка из-за огромного количества скандальных историй и фальшивок. Неудивительно, что большинство правителей попытались поставить печатный станок под свой полный контроль и использовать для того, что Лестранж называл «борьбой с человеческими заблуждениями» (*undecieving of the people*) (см.: [73, p. 9]).

Так, губернатор британской колонии Вирджиния Уильям Беркли в 1671 г. благодарил бога за отсутствие на её террито-

рия печатного станка и писал: «Образование ведёт к непониманию и наполняет мир ересями и сектами, а печать повсюду распространяет их ложные учения и клеветает на правительство. Да хранит нас Бог и от того, и от другого» [89, р. 517]. А знаменитый немецкий философ и математик Готфрид фон Лейбниц в 1680 г. всерьёз опасался, что человечество может вновь вернуться к состоянию варварства из-за огромного и постоянно возрастающего числа издаваемых книг [128, р. 33].

Реакцией на распространение книгопечатания становится возникновение института предварительной цензуры. Христианская церковь осуществляла цензурные функции и ранее: ещё в 496 г. с благословения папы римского был издан первый каталог запрещённых книг. Однако этот каталог включал уже получившие распространение книги. С изобретением книгопечатания ситуация меняется. В 1487 г. папа Инноцент VIII издаёт указ, требовавший от печатников представлять предназначенные для издания рукописи для предварительного ознакомления церковным властям. В 1542 г. в Ватикане появляется специальный отдел для изучения и запрещения негодных книг. Начиная с 1559 г. католическая церковь издаёт «Индекс запрещённых книг», который продолжал выходить до 1948 г. К этому моменту в него были внесены почти 5000 книг [97].

Первый государственный закон о предварительной цензуре всех без исключения печатных изданий был принят в Испании в 1502 г., и вскоре подобные законы появились в большинстве других европейских стран.

К 1600 г. конкуренция на рынке печатной продукции возросла настолько, что даже лучшие произведения книгопечатания, такие как, например, изданные в 1493 г. «Мировая хроника» Хартмана Шеделя, не находили нормального сбыта [129, р. 149]. С этой точки зрения Реформация началась как раз вовремя для того, чтобы спасти издателей и печатников от

стигматизация. Теперь изобретение Гутенберга приобрело новое значение. Люди начинают использовать печать для распространения информации в форме как отдельных, так и продолжавшихся изданий, таких как всевозможные листочки, брошюры, информационные листки. Тем самым европейская Реформация подготовила почву для рождения газет.

Традиционно её начало связывают с событием, произошедшим 31 октября 1517 г., когда мятежный доктор богословия Мартин Лютер прибил к дверям своей вittenбергской церкви знаменитые «95 тезисов», направленных против католической церкви. Практически все историки согласны с тем, что успех Реформации был бы невозможен без развития печатного дела. Как писал Б. Андерсон в своей знаменитой работе «Воскресающие сообщества», до наступления эпохи книжничества Рим легко выигрывал в Западной Европе каждую войну против ереси, поскольку внутренние линии коммуникации у него были лучше, чем у его противника. Однако когда в 1517 г. Мартин Лютер вывесил на церковных воротах в Виттенберге свои тезисы, они были напечатаны в немецком переводе и «в течение 15 дней [были] увидены во всех уголках страны. За два десятилетия, с 1520 по 1540 г., книг на немецком языке было опубликовано втрое больше, чем в период с 1500 по 1520 г. И в этой удивительной трансформации Лютер был, безусловно, центральной фигурой. Его сочинения составили не менее трети всех книг на немецком языке, проданных с 1518 по 1525 г. За период с 1522 по 1546 г. было выпущено в свет 430 полных или частичных изданий его переводов Библии... В результате Лютер стал первым автором бестселлеров, известным в качестве такового. Или, если выразиться иначе, первым автором, который мог продавать свои новые книги, опираясь на своё имя» [2, с. 62].

Считается, что именно в эпоху Реформации берёт начало идеологическая функция современной журналистики. Ли-

стойки, всевозможные «случные листки», прокламации, памфлеты, диалоги, пародии и сатиры обладали огромной действенной силой и использовались всеми без исключения политическими и религиозными лагерями.

Помимо этого, Реформация разделила Европу на два противостоящих лагеря протестантских и католических государств и дала толчок эпохе продолжительных религиозных войн. Тем самым она породила огромный спрос на информацию обо всём происходящем на континенте в обоих лагерях. Как отмечает в своей работе «Всеобщая история прессы» немецкий автор Людвиг Саламон, «владельцы типографий не упускали случая нажиться на важных сообщениях из частной переписки знаменитых современников: они приобретали их и размножали путём печатания. Обыкновенно этим листкам, появившимся *in quarto*, продавалось весьма обстоятельное оглавление, рассчитанное на то, чтобы произвести сенсацию среди публики. Одно из них имеет следующее заглавие: "Достоверная новейшая весть из Манстрихта и т. д. (следует перечисление городов) содержит в себе подробнейшее описание геройской вылазки, перестрелки, стычек, штурмов и других любопытных происшествий от начала осады вплоть до 11 июня текущего 1679 года. Получено из города Ахена 12 июля от хорошего приятеля. Отпечатано в Кёльне в 1679 г."» [44, с. 74].

По утверждению немецкого исследователя Томаса Шрёдера, печатные издания, предшествовавшие появлению первых газет, на основании формальных критериев можно разделить на два основных типа. Первые – это так называемые «случные листки» (*Flugblätter*), выходившие крупным форматом (*in folio*), отпечатанные с одной стороны листа и содержавшие довольно много иллюстраций. В противоположность им памфлеты (*Flugschriften*) своим внешним видом больше походили на современные брошюры форматом в одну четвёртую листа, со-

стояли по меньшей мере на двух страницах и включали минимум иллюстраций. Содержание как «летучих листовок», так и памфлетов могло варьироваться от чисто информационного и развлекательного до просветительского и откровенно пропагандистского. Те из них, которые преследовали информационные цели, независимо от формата получали общее название «*Neue Zeitung*», т. е. текущие новости. Их первое появление в немецкоязычных странах относится к 1480-м гг., после чего они распространились по всей территории Европы [117].

«*Neue Zeitung*» могли освещать различные события в одном или нескольких последовательных выпусках, но, в отличие от первых газет, они не имели четко установленной периодичности. «*Neue Zeitung*», как правило, выходили по конкретным поводам, а потому не имели возможности освещать продолжительные, разворачивающиеся во времени события. Вместо этого они посвящались наиболее сенсационным новостям, гарантировавшим их сбыт. Они зачастую издавались анонимно, в нарушение цензурных правил, а потому их содержание могло иметь полемичный или сатирический характер.

Отсутствие периодичности означало также, что они не могли рассчитывать на распространение по подписке, в силу чего «*Neue Zeitung*» продавались на улицах в розницу. Для привлечения максимально широкой аудитории с невысоким уровнем грамотности их издатели использовали предельно простой язык и стиль изложения. Всё это представляет собой те характеристики, которые будут заново открыты массовой прессой в XIX в. Именно поэтому «*Neue Zeitung*» и аналогичные им издания других стран в течение длительного времени будут существовать параллельно с печатными газетами.

Первый шаг к четкой периодичности был сделан в XVI в. благодаря так называемым ярмарочным известиям (*Messengationen*), основателем которых считается уроженец Австрии

Михаэль фон Айцинг. Оказавшись в 1581 г. в Кёльне, он двумя годами позже составил сборник статей, посвящённый событиям знаменитого Кёльнского съезда, вызывавшего огромный интерес во всей Германии. Хотя известия о нём время от времени распространялись в рукописной форме, они не давали полного представления о сути дела, поскольку страдали отрывочностью и неполнотой. На этом фоне Айцинг изложил суть дела в нескольких статьях и объединил их в одну брошюру под названием «*Relatio historica* о происшествиях на Кёльнском съезде». Отпечатанная в 1583 г., она поступила в продажу на Франкфуртской ярмарке.

По свидетельству Л. Саламона, актуальности темы, а также простота и ясность изложения обеспечили сборнику Айцинга полный успех и побуждали его продолжать свою деятельность. Теперь он писал не только о Кёльнском съезде, но и о других политических событиях. Так, его брошюра 1588 г. уже представляет собой обзор текущих политических событий [44, с. 76].

«*Relatio*» (отчёты) Айцинга выходили в свет накануне ярмарок и получили своё второе название – ярмарочные известия. С газетами их обобщала не только чёткая периодичность, но и характер содержания. В отличие от «*Neue Zeitung*», посвящавшихся одному отдельно взятому событию, ярмарочные известия освещали широкий спектр тем, центральное место среди которых отводилось военным и политическим событиям, несколько реже на их страницы попадали сообщения о преступлениях, чудесах и других сенсационных событиях, остававшиеся прерогативой «*Neue Zeitung*».

«Может быть, переход от полутоновых сборников к ежедневным публикациям, без посредства еженедельных изданий, покажется странным, – заметил в конце XIX в. немецкий профессор К. Бахер в своей лекции, посвящённой провозглашению газет. – Не следует, однако, забывать, что как собиравшие ново-

стой, так и распространение листовок должны были считаться с современными средствами сообщения. Главнейшие же из них были армарски и почты. Полугодовые армарски давали возможность распространять печатные известия из большого центра торговли и движения во все стороны и даже в отдаленнейшие земли. Почты же приходили и уходили по главнейшим трактам один раз в неделю. Прерыв от полугодовых к еженедельным отчётам был, таким образом, в природе вещей» [9, с. 24].

Хотя со справедливостью его утверждения трудно не согласиться, следует заметить всё же, что за сто с лишним лет, минувших с момента, когда К. Бокер произнёс свою речь в профессорском клубе Лейпцига, были найдены документальные подтверждения существования того недостающего звена, о котором он упоминал. Речь идёт о ежемесячном издании «*Annus Christi*», увидевшем свет в 1597 г. в небольшом городке Аахе санкт-галленского округа Горшак. Его составителем выступал поэт и литератор Самуэль Дильбаум из Аутобурга, издателем – книгопечатник Леонард Штрауб-старший. До нашего времени дошло всего шесть экземпляров «*Annus Christi*», и только три из них являются полными. Тем не менее не вызывает сомнений, что издание было успешным: его тираж достигал довольно большой по тем временам цифры в 150 экземпляров, а некоторые из сохранившихся экземпляров совершенно очевидно являются перепечатками.

Несмотря на то, что «*Annus Christi*» прекратило свой выход спустя 12 выпусков, существуют свидетельства, указывающие на существование других подобных изданий. В связи с этим возникает небезынтересный вопрос о том, к какой именно категории их следует относить: газет или журналов. Так, например, российские авторы Б. Мисюжников и А. Топлянина называют «*Annus Christi*» «самой старой газетой в мире» [34, с. 13], а немецкий исследователь Т. Шрёдер – «ежемесячным журналом» [117, р. 131].

Общественно-политический характер содержания «*Allgemeine Christen*» и чёткая периодичность действительно сближают его с первыми газетами, однако здесь встаёт немаловажный вопрос о тех критериях, которым должно отвечать то или иное издание, чтобы его можно было назвать газетой. Ещё в 1928 г. немецкий исследователь Отто Грот сформулировал семь подобных признаков [85, S. 21]:

- выходит не реже одного раза в неделю;
- выпускается механическим способом (чем отличается от рукописных «писем новостей»);
- распространяется свободно: купить её должен иметь возможность любой, кто готов за неё заплатить, независимо от её общественной принадлежности;
- публикует все, что представляет интерес для обычных людей (в противоположность религиозным или специализированным изданиям);
- доступна для понимания любого человека со средним уровнем образования;
- является настолько оперативной, насколько это возможно при данном уровне развития техники;
- и наконец, демонстрирует определённую стабильность.

Этот перечень снискал всеобщее признание среди историков журналистики, хотя для удобства его зачастую сводят до четырёх наиболее значимых критериев: газета должна быть печатной, периодичной, злободневной и универсальной, т. е. освещать широкий спектр тем общего интереса [132, p. 387]. Но и тогда предполагается периодичность не реже еженедельной: «В первую очередь и прежде всего газеты должны издаваться регулярно и достаточно часто (по меньшей мере еженедельно)» [125, p. 135]. На этом основании «*Allgemeine Christen*», безусловно, не попадает в категорию газет, более того, по мнению Т. Шрёдера, его издание прекратилось всего год

спуста, поскольку уровень оперативности «*Annus Christi*» не соответствовал возможностям своего времени [117, р. 131].

Когда речь заходит о периодичности, то истоки этого основополагающего признака газет совершенно очевидно восходят к рукописным изданиям XVI–XVII вв. Несмотря на появление печатного станка, одной из доминирующих форм распространения информации в XV в. оставалась частная переписка. Поначалу новости выступали лишь дополнением к личному посланию, но постепенно они трансформировались в своего рода информационное приложение к письму (так называемая *schedula*), предназначенное уже не только адресату. Наконец, на третьем этапе главной целью написания письма становится сообщение новостей, предназначенных уже не столько для личного прочтения, сколько для последующего распространения. На этом этапе письма окончательно превращаются в «*newsletters*», одну из наиболее ранних форм распространения новостей... Они продолжали играть важную роль даже после появления «*курантов*» и фактически выступали одним из главных источников информации для них» [77, р. 217]. Иногда подобные письма даже размножались при помощи печатного станка, как это произошло с упомянутым выше письмом Христофора Колумба.

Двумя социальными группами, в наибольшей степени заинтересованными в развитии письменных коммуникаций, выступали государственные чиновники и торговцы. И те и другие постоянно нуждались в свежей информации о военных, политических и экономических событиях. Представители европейской элиты постоянно переписывались друг с другом, обменивались новостями со своими родственниками и друзьями, а некоторые из них, стремясь обеспечить регулярное поступление важной информации, начинают нанимать для себя корреспондентов в наиболее важных информационных центрах континента.

Пожалуй, наиболее значительных успехов в этом отношении удалось добиться немецкому финансисту XVI в. графу Филиппу Эдуарду Футтеру, собравшему, по всей видимости, самый обширный архив рукописных известий, датированных периодом с 1568 по 1606 г. Хранившийся сегодня в Австрийской национальной библиотеке, он состоит из 27 томов большого формата, содержащих порядка 15 тыс. новостных сообщений, доставленных из нескольких европейских городов [104, p. 267].

«Газеты Футтера» (*Fuggetzeitungen*), как их часто называют, освещали прежде всего военные и политические события, уделяя гораздо меньше внимания экономике, общественной жизни, религиозным и юридическим проблемам, судебным процессам и природным явлениям [65, S. 189–201]. Известия, поступающие к Футтеру, по всей видимости, предназначались для него и его семьи, а также деловых партнеров. Не сохранилось убедительных свидетельств того, что, помимо своей основной деятельности, Футтер пытался ещё и торговать информацией¹⁵. В данном случае мы совершенно очевидно имеем дело с закрытой, частной системой сбора новостей. Но сам факт её существования является веским подтверждением наличия в Европе начала Нового времени достаточно развитой информационной сети, которая не замыкалась на коммерческие интересы банковского дома Футтера.

Примечательной особенностью «газет Футтера» является их билингвизм: 10 из 27 томов поделены на две части, одна из которых написана на немецком, а другая – на итальянском языке. Это объясняется тем, что основу «газет Футтера» составляли немецкие (*Geschriebene Zeitungen*) и итальянские (*avvisi manoscritti*) рукописные бюллетени. Первые поступали из Антверпена, Кёльна и, несколько реже, из Праги, Вены и

¹⁵ Существует точка зрения, в соответствии с которой система, построенная Футтером, активно развивалась и распространялась по Европе, однако ряд исследователей отвергает данную точку зрения как необоснованную (см.: [128, p. 67]).

Листома, которые доставлялись из Венеции и Рима. Их соотношение в архиве Футтеров неодинаково и меняется с течением времени: 9 из 10 томов, в состав которых наряду с *Geschriebene Zeitungen* входит *avvisi manoscritti*, относятся к 1578–1586 гг., т. е. к первому этапу создания архива, и лишь один датирован 1601 г.

Это обстоятельство, наряду с глубиной архива Футтеров, позволяло исследователям сделать ряд важных наблюдений в отношении процесса, который предшествовал появлению первых печатных газет.

Более важная роль, которую *avvisi* играли на первом этапе формирования архива Футтеров, совсем не случайна: не вызывает сомнений, что исторически они возникли раньше *Geschriebene Zeitungen*. Как утверждает итальянский исследователь М. Инфелтизе, «поначалу *avvisi* представляли собой письма политического, военного и экономического содержания, известные ещё до начала XVI столетия. Но... к середине 1500-х гг. их функции и содержание трансформировались настолько, что это позволяет выделить их из числа обычных писем информационного характера, писавшихся от случая к случаю» [91, с. 214]. Благодаря сети регулярных почтовых маршрутов, охватившей весь континент¹⁸, они достаточно широко распространялись по Европе и превратились в своего рода «постоянную информационную службу» [ibid., с. 212].

¹⁸ Ещё в 1480 г. Франц фон Тиссен получил от императора Священной Римской империи Максимилиана I разрешение на создание регулярной почтовой службы между имперскими городами в Вене и Брюсселе. По договору, заключённому фон Тиссенем в 1504 г. с князем Максимилианом I Филиппом Кристианом, были проложены новые почтовые маршруты в Виллербрудт, Франкфурт и Нюмбург. Ещё 12 лет спустя почтовая служба фон Тиссена достигла Рима, Вероны, Неаполя, а также других итальянских городов и была реорганизована. Благодаря этому процесс доставки почтовых сообщений значительно сократился. Одним из её побочных следствий от почтовой системы дворовой Римской империи стала открытость для пользования частными лицами. Как писал М. Шеллинг в «Обчерке по истории мировой почты», частные люди вскоре ознакомились с деятельностью империи в отношении организации почтовой службы и не преминули в широких размерах воспользоваться ею. Непосредственно поэтому, что дела Тиссена империи Свентиславу разоружились [82, с. 66].

Однако было бы неверно именно их считать непосредственными предшественниками первых печатных газет. «Avvisi явились детищем итальянских условий, – пишет М. Инфальце. – Они были порождением политических интриг и разногласий итальянских правителей того времени, постоянно озабоченных приданием благопрестойного вида своим действиям и стремлением проникнуть в политические секреты соседних государств, тогда как печатные газеты рождались из отчётов о политических событиях в германских государствах и Фламандия, хотя в течение долгого времени они и сохраняли связь с более ранними формами итальянских рукописных бюллетеней» [91, p. 212].

Тем не менее итальянские *avvisi*, несомненно, послужили моделью для немецких рукописных бюллетеней, о чём свидетельствует уже их внешнее сходство: и те и другие, как правило, не имели заглавия, а текст на их страницах состоял из абзацев, каждый из которых посвящался отдельной новости и начинался с указания на дату и место отправки сообщения [104, p. 268].

И всё же они представляли собой две совершенно разных разновидности одного и того же медиа. Проведённая в 2011–2016 гг. оцифровка архива Футтеров позволила установить, что средний объём итальянских рукописных бюллетеней примерно на треть больше немецких, кроме того, в каждом экземпляре первых прямо или косвенно упоминается 16 различных персон, тогда как во вторых – только пять. Таким образом, составляя менее 20 % архива Футтеров, *avvisi* упоминают большее количество людей (около 5800), нежели *Geschriebene Zeitungen* (около 5400) [ibid., p. 283].

Совершенно разным является и их подход к освещению событий: «Тихичная Zeitung из Антверпена редко содержала более четырёх или пяти сообщений, которые, вместе взятые,

обеспечивали подробный обзор того, что происходит в регионе, и, возможно, одно сообщение из Англии либо Испании, тогда как итальянские *avvisi* отличались явно выраженной локализацией: чем ближе было место происхождения бюллетеня к месту события, тем больше деталей он содержал...» [104 р. 283].

Эта разница наглядно проявляется при сопоставлении *avvisi* и *Geschriebene Zeitungen*, посвящённых событиям 1582 г., предшествовавшим началу так называемой Кёльнской войны. В то время как «посвящённые этому конфликту *avvisi*, обычно поступавшие из Рима, касались главным образом политических и юридических аспектов конфликта, *Zeitungen*, зачастую написанные прямо в Кёльне, помимо политических событий, освещали также подготовку к войне, передвижения войск и принимавшиеся военные решения» [ibid.]. Более того, их сравнение «с *avvisi*, посвящёнными тем же проблемам, показывают, что они стремились придерживаться лаконичного сухого стиля даже в тех случаях, когда их содержание выходило за рамки военных и экономических тем» [ibid.].

Сегодня трудно назвать окончательную причину, по которой *avvisi* практически исчезают из архива Футтеров на втором этапе его создания. Однако рост числа *Geschriebene Zeitungen* в его составе позволяет предположить, что это могло произойти в результате вытеснения первых вторыми. Число немецких рукописных бюллетеней в архиве Футтеров возрастает со 148 в 1578 г. до 319 в 1586 г., и достигает максимума – 852 – в 1595 г. [ibid., р. 282] Именно они и послужили моделью для первых печатных газет, копировавшихся у *Geschriebene Zeitungen* не только еженедельную периодичность, но и оформление, способ организации материала, а также стиль его подачи.

Важно отметить, что с появлением печатных газет рукописные бюллетени не исчезли, продолжая своё существование в качестве самостоятельного медиа вплоть до XIX в. Это объ-

лжесекретом, что они в меньшей степени подвергались цензурным ограничениям, а кроме того, при их подготовке автор мог учитывать специфические интересы каждого из своих клиентов. В силу этого рукописные бюллетени всегда оставались эксклюзивным медиа, цена которого в пять раз превышала среднюю стоимость печатных газет [118, p. 128].

Появление первых печатных газет не было расценено современниками в качестве сколь-либо значимого новшества, сопоставимого по своему значению с изобретением Иоганна Гутенберга. Поэтому даже предположительная дата их появления оставалась неизвестной вплоть до 1876 г., когда один из первых исследователей печати, Юлиус Отто Опель обнаружил годовую подшивку газеты под названием «Relation: Aller Fürnehmen und gedensckwürdigen Historien», отпечатанной в 1609 г. в Страсбурге печатником и книготорговцем Иоганном Каролусом. Ещё одна подобная подшивка газеты «Aviso Relation oder Zeitung», издававшейся в том же 1609 г. в Вольфенбюттеле Лукой Шульце, была найдена в 1903 г. Неудивительно, что на протяжении минувшего века именно 1609 год считался датой рождения европейских газет.

В 1992 г., однако, немецкий историк Иоганнес Вебер обнаружил в архивах Страсбурга прошение, поданное Иоганном Каролусом в городской магистрат, с просьбой предоставлять ему исключительную привилегию на печатание газет сроком на десять лет. Уже в самом начале он упоминает о «немалых антратах» на приобретение и установку в его доме печатного станка для печатания выпускавшегося им ранее рукописного бюллетеня.

Что толкнуло его на подобные расходы? Как поясняет Каролус, он сделал это исключительно «ради выигранна во времени», «так как воспроизвание [ручную] является медленным и занимает много времени» [132, p. 409–410].

И всё же не большие затраты и не «высокоество усилие», связанных с необходимостью еженедельно набирать новый номер газеты, становится главным обоснованием его претензий на привилегию. Если другие печатники захотят последовать его примеру, пишет Каролус, то это приведёт к возмущению конкуренции и вынудит их преувеличивать и преукрашивать новости, что способно «внести путаницу и упадок». В противоположность этому сам он обещал «печатать упомянутые новости без каких бы то ни было прибавлений и же иначе как в том виде, в каком они были написаны и получены», в подтверждение чего Каролус обещает еженедельно доставлять в магистрат четыре экземпляра своей газеты [132, р. 411].

Своим решением, датированным 21 декабря 1606 г., магистрат отказал Каролусу в его просьбе. Но поскольку он упоминает о двенадцати уже отпечатанных к тому моменту выпусках, то с высокой долей вероятности можно предположить, что первый номер европейской печатной газеты увидел свет в начале октября 1606 г.

Своим внешним видом ранние немецкие газеты больше напоминали современные брошюры, нежели газеты как таковые. Каждый их номер состоял из четырёх либо восьми страниц размером примерно в половину современного листа формата А4 и включал от трёх до семи корреспонденций, располагавшихся в порядке их поступления.

Подобно *avvisi* и *Geschriebene Zeitungen*, первые газеты не имели ни названия, ни логотипа на первой полосе. Исключением из этого правила выступал «*Avviso Relation oder Zeitung*» Луки Шульте, каждый выпуск которого имел титульную страницу-обложку. В отличие от него Иоганн Каролус публиковал такую страницу лишь раз в год, предполагая, подобно многим другим издателям, что подписчики будут создавать его газету, чтобы в конце года объединить все её номера в отдельный том.

Этим же обстоятельством объясняется ещё одна примечательная особенность ряда ранних газет – единая, переходившая из номера в номер нумерация страниц.

С полиграфической точки зрения технология выпуска первых газет значительно отличалась от технологии производства книг. Если в случае с книгами решающую роль начинала с Иоганна Гутенберга играли эстетические соображения, то при выпуске газет всё было подчинено стремлению опередить конкурентов и в кратчайшие сроки отпечатать максимально возможный тираж.

Предполагалось, что каждому номеру газеты уготован крайне ограниченный срок жизни – до выхода следующего, а потому для них использовалась производимая из отходов бумаги низкого качества. Она отличалась минимальным содержанием клея, зато на ней можно было печатать сразу же, без её предварительного замачивания, как в случае с высококачественной книжной бумагой, специально смазывавшейся клеем, чтобы обеспечить высокое качество оттисков.

Текст на дешёвой бумаге получался менее чётким и хуже сохранялся с течением времени, зато у неё было другое важное преимущество: она позволяла использовать более жидкую типографскую краску, которую можно было быстрее нанести на печатную форму, ещё больше повышая скорость печатания. Как писал об этом один из голландских печатников XVIII в. Д. Варденаар, «я и сам шесть лет промышлял этим у себя в городе и тысячи раз по 250 листов на одной стороне за полчаса по старинке тискал (разве это печатанье?). За это время ба-тыриник¹⁷ только и успевал мазнуть по буквам (разве это ба-тыринье?)... Эти люди по большей части и краску-то по мацам¹⁸ ровно не распределяют, а липят её кое-как на мацы, а мацами

¹⁷ Нанесение краски на литеры.

¹⁸ Принадлежность для ручного нанесения краски на печатную форму.

мажут литеры. Вот и видишь, то непревзойденный текст, а то смазанный, сегодня в одной, завтра в другой газете, особенно в таких, что хорошо расходятся» [31, с. 34].

Таким образом, жертвуя качеством, издатели газет вдвое увеличивали производительность своих печатных станков: с 250 оттисков в течение часа при нормальной печати до 500 оттисков в час при выпуске газеты. Иногда для повышения скорости печатание осуществлялось одновременно на двух станках, чем объясняются встречающиеся порой расхождения в одинаковых номерах одного и того же издания.

Средний тираж немерной газеты XVII в. колебался от 350 до 400 экземпляров, хотя уже в это время встречались издания, распространение которых могло достигать полутора тысяч экземпляров, как у «*Wöchentliche Zeitung auß mehrerley örthern*», издававшейся Иоганном Мейером в Гамбурге [132, p. 399]. Стоимость годовой подписки на них составляла около двух гульденов для еженедельной газеты и три гульдена, если она выходила дважды в неделю, что примерно равнялось недельному заработку квалифицированного ремесленника [ibid., p. 400].

Поскольку это было в пять раз меньше стоимости рукописных бюллетеней [117, p. 128], аудитория газет быстро возрастала: если накануне Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. их аудитория охватывала от 24 до 60 тыс. человек, то после её завершения она составляла уже от 200 до 250 тыс. человек [ibid., p. 134].

Кто же входил в их число?

Пожалуй, одну из наиболее заинтересованных групп подписчиков составляли правители многочисленных немецких государств и княжеств вместе с их окружением. Многие из них поощряли создание газет в своих землях, поскольку не могли себе позволить содержание собственных корреспондентов в важнейших информационных центрах континента. Но даже

большие централизованные государства активно пользовались газетами в качестве важного источника международной информации. Не случайно крупнейшие коллекции дошедших до нас немецких и голландских газет XVII в. хранятся сегодня в архивах Дании, Швеции и Российском государственном архиве древних актов (РГАДА).

Газеты выписывали городские и сельские муниципалитеты, помимо дворянства и чиновничества их во всё возрастающей степени читало городское буржуазство. Даже ремесленники могли позволить себе время от времени их покупку, по крайней мере вскладчину. Таким образом, Германия становится ведущим газетным рынком Европы. В период с 1605 по 1700 г. здесь было основано в общей сложности 200 различных изданий в 80 городах. Постоянно возрастающий объём новостей уже в 1630-х гг. привёл к появлению газет, выходивших дважды и трижды в неделю, а 1 июля 1686 г. в Лейпциге появилась газета «*Zinkommende Zeitungen*», издававшаяся шесть раз в неделю Т. Ритчем [132, р. 398].

Как справедливо утверждает Т. Шрёдер, своим успехом газеты были обязаны две столько уникальности своих характеристик, сколько их комбинация, сложившейся впервые. Во-первых, периодичность газет прекрасно сочеталась со спросом на освещение самых последних новостей. Одновременно с этим в силу своей печатной природы они ориентировались на постоянно растущую аудиторию, освещая весь спектр имеющихся новостей. Подобная комбинация характеристик не имела предшественников... И в этом смысле можно утверждать, что современная пресса родилась с появлением еженедельных газет [117, р. 132]. Не случайно М. Шадхон признаёт дату их появления за отправную точку становления журналистики.

Однако в стремлении к охвату максимально широкой аудитории первые газеты столкнулись с довольно сложной

проблемой. Дело в том, что редакционная сторона газетного дела находилась на крайне низкой ступени развития и была полностью подчинена потребностям полиграфического процесса. Как писал об этом Герд Фритц, ещё один исследователь ранних немецких газет, «каждый выпуск ежедневальной газеты состоял из различного количества дешиш, поступающих из нескольких европейских городов (например, Антверпена, Кёльна, Праги, Вены, Венеции и Рима), каждая из которых, в свою очередь, включала разное число новостных сообщений. Эти новости зачастую никак не были связаны тематически друг с другом, за исключением того факта, что они поступали из одного города или региона. Читатели с самого начала жаловались на подобное отсутствие тематических связей. Но поскольку подобная текстовая структура отвечала потребностям высокоэффективного производственного процесса, издатели не вносили [в неё] никаких фундаментальных изменений в течение почти двух столетий» [82, p. 71].

«В типографии, – продолжает Г. Фритц, – поступающие сообщения отправлялись в набор в порядке их поступления без какой бы то ни было редакционной обработки. Таким образом, качество газеты полностью зависело от корреспондентов. Обычно они просто записывали и отправляли информацию, не пытались придать своим сообщениям связную форму. В некоторых случаях, впрочем, корреспондентом выступал хорошо информированный человек со связями в правительстве, который не только сообщал информацию из вторых рук, но и пытался порой представить связную картину важных процессов, сопровождая её собственной оценкой политической ситуации» [ibid., p. 74].

Источниками информации для корреспондентов выступали не только личные связи, но и газеты тех городов, в которых они находились. В связи с этим можно вести речь о возникновении в Европе первой половины XVII в. транснациональной коммуни-

национной сети, обеспечивавшей распространение важнейших новостей в масштабах всего континента. Испанская исследовательница Кармен Эшехо полагает, что поворотным здесь выступает 1618 год, когда газеты или их печатные предшественники появляются в большинстве европейских стран. Именно этот момент она считает датой окончательной консолидации новой культурной практики, нацеленной на освещение новостей, и датой рождения «подлинной» журналистики [80, p. 190–192].

Интересный пример того, как функционировала эта сеть, можно отыскать в работе шведской исследовательницы Ингрид Майер, занимающейся изучением европейских газет, хранящихся в РГАДА.

В марте 1670 г. страницами ряда европейских газет обошла новость об избрании нового папы римского. И. Майер удалось обнаружить пять сообщений на эту тему: первое появилось в кёнигсбергской газете; второе и третье – в двух разных берлинских изданиях, но отпечатанных в одной и той же типографии; четвертое – в гамбургской, а пятое – в голландской газете.

Во всех пяти случаях содержится указание на то, что информация отправлена римским корреспондентом в Париж, где она была переведена с итальянского на французский язык и в таком виде достигла голландского Маастрихта. Там это сообщение подверглось переводу на голландский язык и далее распространялось уже под заголовком «Маастрихт, 15 марта», хотя изначально оно, несомненно, имело «римскую» дату (примерно 5 марта). Скорее всего, там же, в Маастрихте, был выполнен перевод с голландского на немецкий язык. То, что это именно так, а не наоборот, яствует из того, что в трёх местах голландская версия содержит информацию, которой нет ни в одной из немецких газет. Из Маастрихта корреспонденция была отправлена в немецкие города – Берлин, Гамбург и Кёнигсберг.

В кёнигсбергской, одной из берлинских и гамбургской газетах сообщение появилось под заголовком «Маастрихт, 15 марта», в то время как в Гамбурге местный корреспондент включил маастрихтское письмо в свой собственный материал, который он отправил дальше под заголовком «Гамбург, 11/21 марта» (т. е. и по старому, и по новому стилю). Внутри своего материала он упоминает, в частности, письмо из Маастрихта о новом папе, но передаёт его содержание в гораздо более сжатом виде. Кроме того, он либо ошибся в дате (у него 16 марта вместо 15), либо «актуализировал» её. Во вторую берлинскую газету, «Mittwöchlicher Mercurius», римское письмо попало не под маастрихтским, а уже под гамбургским заголовком.

Последний пример иллюстрирует обычную для того времени практику переносчиков интегрировать чужую корреспонденцию в свою собственную. В результате одна и та же информация могла появиться в одном выпуске печатной газеты дважды, в разных корреспонденциях, под разными заголовками. Издатели и наборщики могли не обращать внимания на такие случаи либо потому, что у них был крайне напряжённый режим работы, либо потому, что над одним выпуском работал не один наборщик.

Но самое любопытное заключается в том, что данное сообщение оказалось и преждевременным, и неверным: провозник Климента IX был набран после шестимесячных закрытых заседаний только 29 апреля 1670 г., а не в начале марта. Новым папой под именем Климента X стал кардинал Эмиллио Альтиери, а не кардинал Альбичи, который, вероятно, на самом деле рассматривался в начале марта как один из наиболее вероятных претендентов на этот пост [31, с. 47–51].

Если исходить из того, что, «в отличие от драмы, журналистика претендует на достоверность» [88, р. 20], что она предполагает распространение информации о текущих событиях и комментариях к ней, расценивавшихся как точные и достоверные [120, р. 11],

то, как показывает приведенный Н. Майер пример, с утверждением К. Эзенко о том, что 1618 г. следует считать датой рождения «подлинной» журналистики, едва ли можно согласиться.

Газеты довольно быстро распространились по всей территории Священной Римской империи германской нации. Вслед за первыми изданиями в Страсбурге и Вольфенбюттеле собственная газета появилась в 1610 г. в Базеле, в 1615 г. – во Франкфурте-на-Майне, в 1617 г. – в Берлине, в 1618 г. – в Гамбурге. После начала Тридцатилетней войны этот процесс ускорился и список газетных городов пополняют Данинг, Фрайбург-им-Брайсгау, Хальберштадт, Хальдесхайм, Штуттгарт, Кёльн, Гвостров, Кёнигсберг и Цюрих¹⁹. В некоторых из них выходило уже два конкурирующих издания [132, р. 396].

Первая печатная газета за пределами немецких земель – «*Courante uyt Italian, Duytsland, &c.*» – появилась в 1618 г. в Амстердаме. Уже к середине XVII в. это город превратился в один из главных газетных центров Старого Света: в 1645 г. в нём издавалось по меньшей мере девять еженедельных и выходивших дважды в неделю курантов [75, р. 186].

Голландские газеты быстро обрели не только собственное название, происходящее от французского слова «*courante*» – «текущий», «бегущий», но и уникальный характер. Они отличались от немецких газет даже внешне, поскольку представляли собой один лист бумаги вдвое большего формата, отпечатанный с обеих сторон в две колонки. Амстердамские издатели использовали бумагу гораздо экономнее своих немецких коллег: текст занимал практически всю её поверхность, за исключением довольно узких полей в 1,5–2 см. Уже в последней четверти XVII в. они окончательно перешли с готического шрифта на латиницу, что позволяло использовать для набора более мелкие литеры. Кроме того, заголовки сообщений (т. е. указа-

¹⁹ Помимо этого в XVII в. распространение газеты получили в Копенгагене, Риге, Ровно-де-Польше) и Варшаве.

ние на дату и место их отправки) в курантах никогда не отделялись новой строкой, как в немецких газетах, а просто выделялись курсивом, что позволяло ещё больше экономить место.

В результате каждый выпуск курантов содержал 20–25, а иногда и до 30 различных сообщений, т. е. в три-четыре раза больше, чем в немецких газетах. Кроме того, в отличие от последних, в курантах использовался строгий хронологический порядок организации материала, который достаточно чётко совпадал с географическим. В начале номера публиковались сообщения из Америки или Константинополя, если такие были, затем располагались новости из Испании и Италии, далее следовала корреспонденция из Франции либо Англии, Польши, Германии и прилегающих государств¹⁸. Завершался номер сообщениями из самого Амстердама, и в этом заключалось ещё одно важное отличие курантов от немецких газет, никогда не публиковавших новости из собственных городов. Помимо этого, голландские куранты практически с самого начала своего существования публиковали коммерческие объявления, а их последняя полоса заканчивалась колофоном с указанием даты выпуска, имени и адреса издателя [31, с. 39–43]. В 1620 г. голландские печатники начинают выпускать специальные издания своих курантов на французском и английском языках для Франции и Англии, где пока ещё отсутствовали собственные газеты. Однако нет никаких оснований полагать, что это начинание прижилось. Обе страны, отличавшиеся жёстким законодательством в области печати, были не слишком гостеприимной почвой для курантов, в особенности тех, которые печатались в протестантском Амстердаме.

¹⁸ В случаях, когда новая информация поступала в последний момент перед выходом номера, этот порядок мог нарушаться и сообщения из отдалённых регионов печатались в конце номера.

Собственная печатная газета появится в Лондоне в следующем, 1621 г., а во Франции – лишь десятилетием позже. И тем не менее в XVII–XVIII вв. именно в прессе этих стран сформируются важнейшие предпосылки для становления в следующем, XIX в. современной журналистики.

Рекомендуемая литература к главе 3

- Бюхер, К. Происхождение газеты [Текст] / К. Бюхер // История печати: Антология. – М.: Аспект Пресс, 2001. – Т. 2. – С. 7–27.
- Воронцова, Г. Ф. Путь длиною в пять столетий: от рукописного листа до информационного общества. Национальное своеобразие средств массовой информации Германии (исторические предпосылки, особенности становления и эволюция, типологические характеристики, структура, состояние на рубеже тысячелетий) [Текст] / Г. Ф. Воронцова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011.
- История мировой журналистики [Текст] / А. Г. Бешалова [и др.]. – 3-е изд. – М.: Ростов н/Д: МарТ, 2003.
- Майер, И. Периодическая печать XVII века в Европе // Вестн-Кураггы. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.: Иностранные оригиналы к русским текстам [Текст] / подг. И. Майер. – М.: Языки славянских культур, 2008. – Ч. 2. – С. 25–52.
- Непировский, Е. Л. Изобретение Иоганна Гутенберга. Из истории книгопечатания. Технические аспекты [Текст] / Е. Л. Непировский. – М.: Наука, 2000.
- Саломон, Л. Всеобщая история прессы [Текст] / Л. Саломон // История печати: антология. – М.: Аспект Пресс, 2001. – Т. 1. – С. 65–194.

Глава 4. РАЗВИТИЕ АНГЛИЙСКОЙ ПЕЧАТИ В XVII-XVIII ВЕКАХ

В течение полувека после того, как в 1476 г. английский первопечатник Уильям Кекстон основал в Вестминстерском аббатстве свою типографию, книгопечатание в Англии рассматривалось как новое, требующее высокой квалификации ремесло. Поскольку собственных печатников на острове было мало, в 1484 г. король Генрих VII предоставил иностранцам полную свободу заниматься книгопечатанием на территории своей страны [162, р. 145].

Ситуация начинает меняться с началом Реформации. В 1534 г. архиепископ Лондонский издаёт указ, запрещающий печатание и импорт каких бы то ни было книг без одобрения церковных властей, а шесть лет спустя с подачи лорда-канцлера Англии Томаса Мора Генрих VIII издаёт первый из девяти списков запрещённых книг, куда попали в том числе 22 произведения Локера. За активную борьбу против реформации папа римский даже наградил Генриха VIII титулом запрятника веры [37, с. 297].

В 1534 г. иностранцы лишаются права заниматься книгопечатанием на территории Англии, а ещё четыре года спустя контроль над производством и оборотом книжной продукции окончательно переходит из рук церкви в ведение Тайного совета. Прежние запреты были ужесточены, расширился перечень книг, которые запрещалось не только печатать и продавать, но даже просто хранить, независимо от даты их выхода. Публикация любых критических замечаний в адрес короля или королевы грозила отсечением правой руки, если не обвинением в государственной измене.

Однако местные власти не слишком усердно претворяли эти постановления в жизнь. «Согласно сохранившимся

записям, за нарушение соответствующих законов преследование подверглись менее 20 человек, большинство из которых избежали наказания. Джон Дрей, арестованный в октябре 1554 г., сбежал из-под стражи и укрылся на континенте. Из шести человек, схваченных в мае 1557 г. за печатание запрещённых книг, трое были немедленно освобождены под залог в 40 фунтов, один осуждён и тут же повешен, о двух оставшихся никаких сведений не сохранилось [102, p. 152].

В стране, охваченной религиозными противоречиями, для контроля за книгопечатанием требовался иной, более эффективный инструмент. Таким инструментом становится «Компания книгоиздателей и книготорговцев» («Stationers' Company»), основанная в Лондоне ещё в 1403 г. как цеховая организация торговцев книгами, переписчиков и иллюстраторов. По мере того как печатные книги вытесняли рукописные, она постепенно превратилась в гильдию печатников, получившую в мае 1557 г. королевскую хартию на право монопольного печатания и продажи книг. Во главе компании стоял директор и несколько старшин, которые вели специальные учётные книги, куда вносились все выпущенные из печати и разошённые цензурой издания, за что с печатников вносилась определённая плата.

У подобной практики имелось по меньшей мере одно важное следствие: регистрация предназначенной к печатанию рукописи («ожинки») в реестре «Компании книгоиздателей и книготорговцев» гарантировала печатнику, что она не будет переиздана ни одним другим членом компании. Именно так зарождалось первое начало авторского права (так называемого копирайта), хотя оно и сильно отличалось от его современного понимания, поскольку право собственности закреплялось за печатником, а не за автором книги.

Взошедшая на престол в 1558 г. Елизавета I, на царствование которой приходится расцвет английского абсолютизма, уже через год после своей коронации издала указ, запрещающий печатать без одобрения епископа либо специального королевского совета, так называемой Забдной палаты, не только книги, но и разного рода «случные листки». Постепенно Забдная палата, в компетенцию которой входило ведение уголовных, политических и некоторых гражданских дел (она, в частности, занималась и делами «Компании книгоиздателей и книготорговцев»), становится основным учреждением, контролирующим положение английской печати.

Наиболее известным и всеобъемлющим из её постановлений стал ординанс 1585 г. Ссылаясь на то, что «бесчинства и алушнотребления распутных людей, обладающих искусством печатания и продающих книги, множатся всё больше и больше, несмотря на принятые против них законы», этот ординанс под угрозой месячного тюремного заключения запрещал печатать что бы то ни было без одобрения архиепископа Лондонского или Кантерберийского. Общее число английских типографий ограничивалось всего двадцатью, расположенными в крупнейших городах страны: Лондоне, Оксфорде и Кембридже. Надзор за деятельностью типографий был поручен «Компании книгоиздателей и книготорговцев», которая получила право производить обыски для изъятия любых изданий, отпечатанных с нарушением правил, а виновных в этом – подвергать аресту. Цензуры избегала лишь та печатная продукция, которая печаталась в королевской типографии по приказу короля или королевы [86, р. 174–175]. В дальнейшем эти ограничения неоднократно повторялись и ужесточались. 11 июля 1637 г. архиепископ Лод издаёт декрет о книгопечатании, положения которого повторяли и подтверждали ординанс Забдной палаты 1585 г.

«Умелое использование корпоративной организации печатников и издателей для подавления и искоренения негодных изданий в течение долгого времени рассматривалось как один из успехов елизаветинской политики», – отмечает известный американский исследователь Ф. Сиберт [122, р. 64]. И всё же английскому правительству не удавалось прекратить не только контрабанду запрещённой литературы, но и её выпуск внутри страны. Уже в начале 1540-х гг. в Англии появляются первые подпольные издания, в калофоне которых в качестве места издания вместо Лондона указаны Лейпциг или Вольф [101, р. 33]. «Компания книгоиздателей и книготорговцев» также оказалась не в состоянии справиться с подпольными изданиями уже хотя бы потому, что сфера её влияния ограничивалась тремя крупнейшими городами страны, в которых допускалось существование типографий. Показателен в этом отношении случай с так называемыми «Маршелатскими трактатами», представлявшими собой серию сатирических памфлетов, увидевших свет в 1588–1589 гг. и направленных против англиканской церкви. Чтобы избежать обнаружения печатного станка, на котором они печатались, английские пуритане перевезли его из Кнингстона в Нортгемптоншир, затем в Ковентри, а оттуда – в монастырь поблизости от Вулстона [122, р. 98–100].

Не менее жёсткому контролю, чем богословесные книги, подвергались новости. Публикация информации о событиях в стране частными лицами рассматривалась как вмешательство в государственные дела, способное причинить ущерб взаимоотношениям короля с его подданными. Ни одно одобрённое правительством на земле, утверждал губернатор Массачусетса Франсис Бернард в 1768 г., не в состоянии эффективно функционировать, если его конфиденциальные мотивы «обсуждаются трактирными политиками и осуждаются галетными клеветниками» [116, р. 99].

Единственной разрешённой английскими властями разновидностью новостной печатной продукции в XVI в. являлись так называемые «реляции», издававшиеся иногда в виде брошюр (так называемых «книг новостей»), иногда – плакатов (*broadside*), и посвящавшиеся отдельному событию. Появлялись нерегулярно, они довольно чётко подразделялись на две категории. К первой относились те, которые можно рассматривать в качестве официальной пропаганды, как, например, «Ответ его Королевского величества бунтовщикам в Йоркшире» (1536) или «Декларация по поводу подлинных причин настоящей войны с шотландцами» (1542). Вторую категорию составляли описания всевозможных чудес и необычных происшествий, как, например, «Печальные новости об ужасном землетрясении» (1542) или «Подлинное и удивительное известование о странном испанском змее (или драконе), недавно обнаруженном и всё ещё живом... В Сусексе, в двух милях от Хоршема... этим августом 1614 г.» [71, р. 13–14].

С началом Тридцатилетней войны 1618 г. эти появлявшиеся от случая к случаю издания окончательно перестали соответствовать многократно возросшему интересу англичан к событиям на континенте. И всё же первая попытка его регулярного удовлетворения была предпринята не местными печатниками, а из-за рубежа.

«Свежие новости из Италии ещё не поступали» (*The new tydings out of Italie are not yet come*) – с этой примечательной фразы начинается старейшая из дошедших до наших дней газет на английском языке. Отпечатанная 2 декабря 1620 г. в Амстердаме голландским картографом и гравёром Питером ван де Кере, проживавшим несколько лет до того в Лондоне, она являлась практически дословным переводом голландских курьёзов, в котором, дабы не вызывать раздражения английских властей, были пропущены все сообщения из самой Англии, а

некоторые даты изменены на более поздние, чтобы новости выглядели свежее. Начиная со второго номера эта газета выходила под заголовком «Куранты из Италии, Германии и т. д.» («*Courant out of Italy, Germany & c.*») [125, р. 13–14].

Питер ван де Кере не был единственным издателем первых английских газет. Шведский библиограф Фалке Дал обнаружил в европейских библиотеках 33 сохранившихся до наших дней выпусков курантов на английском языке, датированных 1620–1621 гг. Они являются детищем пяти разных печатников, четверо из которых работали в Голландии и лишь один – в самой Великобритании [74, р. 166]. Имя последнего история не сохранила, поскольку вместе подпisi в своих произведениях он оставил лишь буквы «N. B.». В Лондоне того времени работали два печатника с такими инициалами: Натаньял Баттер и Николас Бори [125, р. 148]. Одному из них, а возможно, и обоим вместе, удалось получить разрешение властей на издание газеты в самой Англии, и с 24 сентября по 22 октября 1621 г. он отпечатал шесть её номеров под заголовком «Куранты, или Новости из Италии, Германии, Венгрии, Испании и Франции». И хотя внешне она мало отличалась от голландских курантов, будучи отпечатанной в две колонки с обеих сторон большого листа, её появление положило конец доминированию иностранных издателей на английском газетном рынке.

В мае следующего, 1622 г. Николас Бори и Томас Арчер начинают издание новой газеты – «Еженедельные новости из Италии, Германии, Венгрии, Богемии, Пфальца, Франции и Нидерландов». Она получила не только иное название, но и формат в одну четвёртую листа, более привычный для английских читателей благодаря «книгам новостей» (тем самым, по утверждению М. Стефенса, английские печатники перекледились с голландской на немецкую полиграфическую модель газеты [ibid.]).

Несмотря на это, амстердамские куранты по-прежнему оставались основным источником новостей для английских газет, обеспечивавшим в период с 1622 по 1632 г. от 60 до 70 % их содержания [74, р. 173]. Одним из следствий подобной зависимости становится отсутствие у газеты Борна и Арчера четкой периодичности. Если доставка свежих курантов из Амстердама задерживалась из-за плохой погоды, они могли отложить её выход на день или два, а то и пропустить неделю целиком или, напротив, выпустить в течение неё сразу два или три номера, если новостей было много [71, р. 16]. В подобных условиях, как полагает Маттиас Шаабер, один из исследователей ранней английской периодики, вести речь об издании Борна и Арчера как о подлинной газете можно лишь довольно условно, поскольку она не имела не только определённой даты выхода, но и фиксированного названия, которое, начинаясь со слов «Еженедельные новости из...», могло меняться в зависимости от набора сообщений, вошедших в данный номер. И лишь с октября 1622 г. её выпуски начинают нумероваться [121, р. 552].

Поначалу редакционная сторона газетного дела (если её можно так назвать) сводилась к отбору и переводу тех сообщений из голландских курантов, которые не могли вызвать раздражения английских властей (публикация новостей из самой Англии по-прежнему оставалась под запретом). Но после сентября 1622 г. ситуация радикально изменяется: Борн и Арчер наняли редактора для своего издания. Как пишет М. Шаабер, вместо того чтобы просто переводить на английский новости из-за рубежа в том виде, в котором они поступали, он объединял их вокруг событий, к которым они относились, и сообщал о каждом из них всё, что мог сказать, прежде чем приступить к следующему. Обычно он начинал с императора... Описав [происходившее при] императорском дворе, он переходил к по-

востям о Бетлене Гиборе¹¹ или турецком султане, папе римском, [событиям] в близлежащих частях Германии, Нидерландов и Франции, заключивая странами, расположенным ближе всего к Англии. Он осознал приходящую на себя ответственность и очень гордился изобретённым методом [подачи информации]» [121, р. 574–575]. В одном из случаев он следующим образом поясняет преимущества своего метода на примере нескольких сообщений из Венеции: «...я выстроил их в форме последовательного повествования, которое, я полагаю, приятнее для чтения, поскольку нет нужды напрягать память и возвращаться назад после очередного предмета» [ibid., р. 575].

Точных сведений о том, кто именно был этим, возможно, первым в истории газетным редактором, не сохранилось, но, судя по некоторым свидетельствам, им являлся Томас Гейнсфорд, много путешествовавший на своём веку и служивший капитаном во время ирландских войн. В одном из частных писем, датированных 4 сентября 1624 г., упоминается о недавней смерти от чумы капитана Гейнсфорда, «торговца новостями и составителя газет», а за три дня до этого газета Борна и Арчера вновь вернулась к своей прежней форме, т. е. к практически дословному переводу амстердамских курантов [ibid., р. 578–579].

Несмотря на все преимущества продемонстрированного Гейнсфордом метода, прежний способ подачи информации в порядке её поступления ещё долго будет оставаться доминирующим в английских газетах, в силу чего даже 30 лет спустя в одном и том же номере газеты на четвёртой странице под заголовком «Рим, 16 января» можно было прочитать о том, что кардинал Карасса является одним из шести претендентов на должность следующего папы римского, а на девятой странице того же номера под заголовком «Рим, 12 февраля» – встретить сообщение о том, что кардинал Карасса недавно скончался [125, р. 150–151].

¹¹ Карол Вестерман. 1620–1621 гг.

Первые английские издатели предпочитали заполнять большую часть своих газет переводами из иностранных изданий, поскольку это позволяло им избежать ответственности за публикацию новостей, которые могли не понравиться властям. Но даже это не гарантировало им безопасного существования. Так, 17 октября 1632 г. после многочисленных жалоб испанского и австрийского послов на несправедливое освещение в Великобритании событий Тридцатилетней войны Западная палата запретила распространение в стране любых «книг новостей»²². Запрет был отменён только шесть лет спустя, и все это время английским читателям приходилось довольствоваться изданиями, печатавшимися в Голландии и Франции и контрабандой доставлявшимися в страну [74, р. 173–177]. Лишь 20 декабря 1638 г. Николас Борн и Истманаль Баттер вновь смогли получить разрешение на печатание газеты. Но по мере приближения революции вниманием читателей всё больше овладевали внутренние события, а потому издание, по-прежнему именное коммуналности, освещать только происходящее за рубежом, постепенно утрачивало их интерес.

3 ноября 1640 г. открыл свои заседания парламент, которому было суждено войти в историю Англии под названием Долгого. Самым его, Карла I рассчитывал, что он поможет ему преодолеть финансовую катастрофу, к которой привели поражения в двух так называемых «Епископских войнах» против Шотландии. Однако вместо этого начало работы Долгого парламента становится отправной точкой Английской буржуазной революции. Сначала он отдаёт приказ об аресте главных

²² Ф. Дал считает, что, помимо официальной, у этого запрета были и другие, реальные причины. Английский король, Карл I был по своему любве своим подданным, одной из причин чему являлась его робкая и покорно-поклонная европейская политика, поставившая его в крайне непростительном свете на фоне влиятельного короля Густава Адольфа, который успевал которого сделали его одним из наиболее популярных героев английских изданий. Как утверждает Ф. Дал, Карл I просто не мог не испытывать раздражения, читая в газетах о военных поражениях короля, пышных излюбленных короля, пышных баловнях английских протестантской церкви, знал, что всё это основано не в нем [74, р. 174].

советников короля, графа Страффорда и архиепископа Лода, а в июле 1641 г. принимает решение об упразднении Звёздной палаты как одного из орудий королевского произвола.

Начало революции даёт мощный толчок развитию печати в Англии. Современники тех событий, лондонский книготорговец Д. Томсон, сумел собрать коллекцию из более чем 22 тыс. наименований печатных изданий, увидевших свет в Англии в период с 1640 по 1661 г., среди которых более 7200 «книг новостей» и ранних газет [68, р. XXI]. Однако английские газеты этого периода делали лишь первые шаги в своём развитии, а потому были малопривлекательны для обсуждения важнейших политических вопросов. В силу традиции, сложившейся в период европейской Реформации, эту функцию выполняли памфлеты.

Полутрадиной период с того момента, как в январе 1642 г. Карл I покинул мятежный Лондон, и до начала в августе того же года первой гражданской войны историки часто называют «эпохой памфлетов». Многочисленные петиции, обращения и манифесты, написанные от имени парламента к королю и от имени короля к парламенту, не просто отправлялись адресатам, а размножались типографским способом и рассылались по городам и графствам Англии. Таким образом основные аргументы в полемике парламента с королём по вопросам происхождения власти, прав короля и парламента, происхождения собственности, прав граждан становились достоянием широкой гласности. Тем самым каждая из двух партий – парламентская и роялистская, т. е. сторонники короля, – пыталась привлечь на свою сторону средние слои населения страны – дворян, городскую буржуазию и занятичных помещиков. Не случайно именно на 1642 г. в коллекции Томсона приходится 1966 памфлетов¹³ – наибольшее их число, изданное в течение одного года [ibid.].

¹³ Это почти втрое больше по сравнению с предыдущим, 1641 г. (717) и без малого вдвое по сравнению со следующим, 1643 г. (1090).

Упразднение парламентом Звёздной палаты привело к крушению всей цензурной системы в Англии. Первым, кто решил воспользоваться возникшей возможностью для освещения событий внутри страны, становится издатель дешёвых памфлетов Джон Томас, опубликовавший 29 ноября 1641 г. первый номер еженедельной газеты под длинным названием «The Heads of Several Proceedings in this Present Parliament» («Основные события, происходящие в нашем парламенте»), месяцем позже сменивший название на «A Perfect Diurnall of the Passages in Parliament» («Совершенный диурналий событий в парламенте»)²⁴. В отличие от своих предшественников, переводивших сообщения из голландских курантов, её составитель, Сэмюэль Пек, был вынужден самостоятельно заниматься сбором новостей для своего издания, в силу чего, по мнению некоторых авторов, «он может быть признан первым английским диурналистом или журналистом» [71, p. 17].

Поскольку с ликвидацией Звёздной палаты «Компания книгопродавцев и книготорговцев» лишилась своих контрольных полномочий, это привело не только к введению в стране полной свободы книгопечатания, но и к исчезновению тех остатков авторского права, которые существовали в Англии благодаря её регистрам. Так, успех газеты С. Пека немедленно привёл к появлению целого ряда подражаний: к августу 1642 г. в Лондоне насчитывалось уже семь изданий, выходивших под тем же названием – «A Perfect Diurnall», и одно, озаглавленное «A True and Perfect Diurnall». Более того, существенные различия в наборе одного и того же номера газеты Пека могут свидетельствовать либо о том, что по соображениям оперативности она печаталась одновременно на двух станках, либо, что столь же вероятно, о выпуске другими печатниками её пиратских копий [ibid., p. 17–18].

²⁴ Слово «diurnall» (лат. *diurnal* – ежедневный) в данном случае указывает не на периодичность издания, а на попытку реконструировать наиболее важные события, происходившие в парламенте в течение недели.

Это, в свою очередь, является наглядным свидетельством того, насколько возрос интерес к газетам по сравнению с издаваемыми предреволюционного периода, освещавшими только зарубежные новости. Продававшиеся по одному или два пенса за экземпляр, они распространялись тиражом от 500 до 1500 экземпляров [71., p. 18].

После начала в августе 1642 г. первой гражданской войны парламент перестал быть доминирующим источником информации для английских газет, а потому закономерным шагом в их дальнейшем развитии становится появление изданий, предлагавших читателям набор сообщений на разные темы из различных частей страны. Ключевым элементом их названий становится слово «разваге» (устар. англ. «проникновения, события»), в силу чего в истории английской прессы они входят как «пассажи»⁴⁵.

Как и «еженедельные», «пассажи» продолжали характерную для ранних европейских изданий традицию чисто фактологического и беспристрастного освещения событий без каких бы то ни было комментариев к ним. Разрыв с ней означало появление новой разновидности изданий – так называемых «меркурий», специально создававшихся для влияния на общественное мнение страны. Первым из них становится «*Mercurius Aulicus*» («Придворный меркурий»), основанный в январе 1643 г. и редактировавшийся личным секретарём архиепископа Лода Джоном Беркенхедом.

Валюту до своего исчезновения в сентябре 1645 г. «*Mercurius Aulicus*» оставался главным роялистским изданием, стремившимся не только распространять благоприятные для

⁴⁵ Одним из первых среди них становится «*Some Speciall and Considerable Passages from London, Westminster, Portsmouth, Warwick, Coventry, and other places. Collected for the use of all those that desire to be truly informed*» («Некоторые примечательные и важные события из Лондона, Вестминстера, Портсмута, Уорика, Ковентри и других мест. Собранные для пользы тех, кто желает быть поистине информированным»). Это издание выходило с августа 1642 г. по март 1643 г.

сторонником короля новости о ходе гражданской войны, но и опровергать информацию, исходящую из противоположного лагеря. Со своих страниц он пытался посеять разнь между верхней и нижней палатами парламента, а также между парламентом и городским населением Лондона. «*Mercurius Aulicus*» выходил в Оксфорде и контрабандой доставлялся в Лондон, где интерес к нему был настолько велик, что зачастую его номера перепечатывались на подпольных прессах. Как заметил один из современников, «*Mercurius Aulicus*» причинял парламенту «больше вреда, чем 2000 королевских солдат» [66, р. 75].

В Лондоне того периода выходило несколько изданий, поддерживавших политику парламента, но ни одно из них не стало своей целью противодействие «*Mercurius Aulicus*». Так продолжалось до появления в августе 1643 г. газеты «*Mercurius Britannicus*», специально созданной для борьбы против роялистской пропаганды. Редактировавшаяся поначалу капитаном Томасом Оули, она вскоре перешла под контроль его помощника Марквонта Нидхэма, обладавшего гораздо большими журналистскими задатками. В истории английской прессы он известен прежде всего как «*викарий из Брау*»²⁰ от политики, готовый продать своё перо и, соответственно, свою душу тому, кто заплатит больше других» [112, р. 376].

И действительно, он начинает свою карьеру в качестве сторонника парламента во главе «*Mercurius Britannicus*». Будучи отстранённым от его редактирования за слишком резкие нападки на короля в 1646 г., он переходит на сторону последнего и с 1647 по 1649 г. издаёт роялистскую газету «*Mercurius Pragmaticus*». После поражения короля Нидхэм возвращается на сторону парламента, и с 1650 по 1660 г. редактирует «*Mercurius Politicus*», записывавшую интересы «охвостья» Долгого парламента и Оливера Кромвеля. После реставрации на ко-

²⁰ Сатираический образ священника в английской литературе, возникший вследствие сложившейся традиции, чтобы сохранить этот персонаж.

ролевском престоле в 1660 г. Карла II он вновь занимает свою политическую позицию.

Но для нас здесь представляют интерес не его политические метаморфозы, а журналистские задатки, благодаря которым он оказался столь же востребованным, сколь и преследуемым во всех политических лагерях. По утверждению английского исследователя Д. Раймонда, посвятившего Нидхэму несколько своих работ, он умел писать в привлекательной и доступной манере, не злоупотребляя своей образованностью, благодаря чему стал «первопроходцем нового стиля, в котором интерес к серьезным политическим проблемам сочетается с весёлой сатирой». Обращаясь с его помощью к максимально широкой аудитории, Нидхэм «превратил ранние книги новостей в нечто подобное современной газете или политическому блогу» [112, р. 376]. Именно с его подачи, как полагает Д. Раймонд, на страницах английской прессы появляются редакционные статьи (editorials) на политические темы.

Помимо этого, журналистика обязана М. Нидхэму целым рядом других важных нововведений. Считается, что именно он первым ввёл тематические рубрики и начал располагать сообщения на страницах своей газеты не по датам их поступления, а по значимости описываемых событий. Насколько важным новшеством для своего времени это было, позволяет судить пример С. Пика, поместившего сообщение об одном из главных политических событий – казни короля Карла I в январе 1649 г. – лишь на третьей странице своей газеты «*A Perfect Diurnall of the Passages in Parliaments*». Это объяснялось тем, что материал в ней располагался по традиционному для «журналистов» хронологическому принципу: поскольку газета выходила по субботам, то сначала в ней сообщалось о событиях минувшего воскресенья, затем о том, что произошло в поне-

дальние, и т. д. До событий вторника очередь дошла лишь на третьей странице.

Несмотря на свой очевидно пропагандистский характер, «*Mercurius Politicus*» не субсидировался правительством Кромвеля, напротив, из приносимой им прибыль вылачивалась вознаграждение некоторым государственным служащим. Эта прибыль поступала из нескольких источников²⁷, основным из которых оставалась выручка от распространения тиража [112, р. 387]. Вместе с тем именно в период революции на страницах английских газет начинает появляться реклама. Один из первых британских историков журналистики А. Эндрюс считает, что это произошло в мае 1648 г., когда в газете «*Impartial Intelligence*» было опубликовано объявление некоего дворянина из Кюдинга, графство Суффолк, предлагавшего вознаграждение за пару украденных у него лошадей. В течение следующего десятилетия содержание подобных объявлений ограничивалось предлагавшимися к продаже книгами и различными шариатскими снадобьями, после чего начало постепенно расширяться. Так, 30 сентября 1658 г. в «*Mercurius Politicus*» появилось сообщение о том, что в одной из лондонских кофеен можно приобрести «превосходный, одобренный всеми врачами китайский напиток, именуемый китайцами "тчи", другими народами – "тоа" или "тан"...». Другие рекламные объявления, появлявшиеся на страницах газеты Нидхэма, помимо книг, касались поиска прислуги и подмастерьев, пропавши черноморского мальчика, экипажной, отравившихся из Лондона в провинции [64, р. 49–50].

Когда речь заходит о свободе печати, воцарившейся в Англии с августа 1641 г., следует помнить, что она не была преднамеренным результатом действий парламента. Напротив,

²⁷ Одним из них, как утверждает Раймонд со ссылкой на работу своего английского коллеги Д. Никса, являлась плата от представляемой английской печати за публикацию библиографических для них материалов [112, р. 387].

22 июля 1641 г., ещё до упразднения Звёздной палаты, было принято «Постановление палаты общин о воспрещении публикации отчётов о заседаниях парламента». Среди прочего оно предписывало, чтобы все распространители изданий знали имена лиц, которые доставляют им материалы для опубликования, в противном случае они сами будут подвергаться тем же мерам наказания, что и авторы [17, с. 43].

Между тем «Компания книгоиздателей и книготорговцев», обеспокоенная растущим числом печатников, уклонявшихся от внесения своих напавний в её регистр, чтобы избежать уплаты регистрационного сбора, несколько раз обращалась в парламент с петициями о восстановлении своих полномочий. Как утверждалось в одной из них, «если книгопечатание в Англии не будет под надлежащим контролем и управлением, любой клеветник получит возможность порочить положение дел в государстве... каждый невежественный человек, пользуясь свободой книгопечатания, сможет публиковать фантазии своего досужего ума, как подтверждают мириады скандальных и назойливых памфлетов, продававшихся на улицах к большому стыду для государства» (цит. по: [113, p. 257]).

В конце концов 14 июня 1643 г. парламент отклонил на эти призывы «Ординасом о регулировании книгопечатания», однако его издание было продиктовано вовсе не стремлением защитить интересы «Компании книгоиздателей и книготорговцев». На этом этапе гражданской войны инициатива всё ещё оставалась в руках короля, его армия одерживала победы над сторонниками парламента, а страну наводнили royalistские памфлеты. В подобных условиях парламент рассматривал предварительную цензуру в качестве эффективной меры укрепления своей собственной власти. Ординасом предусматривал, что «ни одна книга, брошюра или листок не могут быть проданы тиснением, пока не будут предварительно про-

смотрены назначенными для этого людьми или по крайней мере одним из таковых» [17, с. 65] и без их внесения вместе с именем печатника в регистр «Компании книгоиздателей и книготорговцев», получившей право проведения обысков и изъятия любой печатной продукции, отпечатанной без санкции цензуры.

В 1644 г. за нарушение этого закона к суду был привлечён поэт и публицист Джон Мильтон, опубликовавший годом ранее без санкции цензуры два трактата о разводе. Мильтон не просто выступил в защиту развода, что уже само по себе являлось крамоллой для англиканской церкви, он отстаивал право на развод как выражение свободы религиозной, семейной и гражданской, без которой невозможно гармоничное социальное устройство. Выступая по этому поводу перед парламентом, англиканский священник Г. Палмер назвал памфлеты Мильтона «безнравственными произведениями», не заслуживающими ничего, кроме сожжения [63, р. 71].

Мильтон отреагировал на выдвинутые против него обвинения памфлетом «Ареопагитика», также отпечатанным без санкции цензуры. Он написан как обращение к членам парламента, за образец для которого Мильтон берёт речь античного оратора Исократ, обращённую к высшему законодательному органу Афин.

Цензура бесполезна, цензура вредна, а кроме того, она унижает человеческое достоинство, утверждает Мильтон. Цензура бесполезна, поскольку она не в состоянии достичь стоящей перед ней цели, ведь «добро и зло, как мы знаем, растут в этом мире вместе и почти неразлучно; познание добра тесно связано и переплетено с познанием зла, и, вследствие обычного сходства, различить их друг от друга бывает также трудно, как те смешанные семена, которые должна была, в непрерывном труде, разбирать и разделять по сортам Психея» [33, с. 33].

Чтобы справиться с подобной задачей, цензор «обязательно должен быть человеком выше общего уровня по своему трудолюбию, учёности и практической опытности», а также люди едва ли согласятся заниматься делом, которое «должно быть решительно невыносимое для человека, ценящего своё время и свой труд или просто обладающего тонким вкусом». В результате легко себе представить, какого рода цензоров мы должны ожидать впоследствии: то будут люди невежественные, властные и нерадивые или низко корыстолюбивые. Это именно я и имел в виду, говоря, что закон о цензуре не поведёт к той цели, которую преследуете [33, с. 42].

Цензура вредна, поскольку «убить хорошую книгу значит почти то же самое, что убить человека: кто убивает человека, убивает разумное существо, подобие Божие; тот же, кто уничтожает хорошую книгу, убивает самый разум, убивает образ Божий как бы в зародыше... и длинный ряд веков часто не в состоянии возмещать потери отвергнутой истины, утрата которой приносит ущерб целым народам» [там же, с. 24].

Напротив, цензура унижает человеческое достоинство, потому что «не доверять до такой степени разуму и честности лиц, обладающих известностью в науке и в то же время не совершивших ничего позорного, чтобы не разрешать им печатать своих произведений без опекуна и наблюдателя, из страха распространения ереси или заразы, есть величайшая несправедливость и оскорбление, каким только может подвергнуться свободный и просвещённый ум» [там же, с. 43].

Однако выступление Мильтона не произвело на парламент никакого впечатления. Более того, 30 ноября 1647 г. Долгий парламент издаёт новый ординанс, не только подтверждавший законность предварительной цензуры, но и требовавший, чтобы каждое выходящее в свет издание содержало указание имени автора, владельца типографии, а также лица, давшего разре-

жение на печатание данной книги. «Ни какое постановление парламента, книга, памфлет или газета не могут быть напечатаны без предварительного одобрения и разрешения лиц (специально для этого назначенных), а также без внесения этих печатных изданий в регистр козпанинга» [50, с. 88].

Появление этого ордонанса было обусловлено тем, что на политическую арену выходит новая партия, отколовшаяся от левого крыла индепендентов, – партия левеллеров, обнародовавшая в 1647 г. свой манифест под названием «Народное соглашение». Закон был призван оградить Долгий парламент от нападков уже не столько реалистов, сколько идеологов левеллеров и диггеров – Д. Лилльберна и Дж. Уинстенли.

Д. Лилльберн подхватил сформулированный Мальтоном лозунг свободы печати и ещё в октябре 1645 г. потребовал отмены «несносной, несправедливой и тиранической монополии печати» [27, с. 45] в одном ряду с упразднением двух других монополий – на произнесение проповедей, торговлю и производство. Таким образом, для него, в отличие от Мальтона, характерен более прикладной и утилитарный подход к проблеме свободы слова: она необходима ему как средство борьбы с иезуитами и тиранами. Но случайно одним из ключевых условий «устройства свободной жизни», выдвинутых им в феврале 1649 г. в памфлете «Новые цепи Англии, или Серьёзные опасения части народа относительно республики», становится требование, «чтобы была свободна печать, при помощи которой могут быть всего удобнее разоблачены иезуитические и тиранические планы; эта свобода имеет наиважнейшее значение для республики» [там же, с. 65].

Но надеждам Д. Лилльберна и его сторонников не суждено было осуществиться. Всего месяц спустя во «Второй части Новых цепей Англии, или Печальном представлении о ненадёжном и опасном положении республики...» он вынужден констатиро-

вать, что женщины, в рукал которых постоянно сосредоточилась власть в стране, «прежде всего строгими мерами заставляли замолчать печать... Правящие офицеры говорят о свободе, но какая это свобода, если они заставляли замолчать печать, которая по праву является и считается у всех свободных народов самым существенным признаком свободы?» [27, с. 85–86]

И действительно, 20 сентября 1649 г. в Англии происходит очередное ужесточение законодательства о печати. Парламент принимает «Акт о неразрешённых и возмутительных книгах и о лучшем упорядочении книгопечатания», в соответствии с которым все «имеющие станки и типографии представляют залог 300 фунтов стерлингов и двух поручителей, которые должны подтвердить, что владелец типографии не будет печатать ничего недозволенного и аномального» [17, с. 145].

Справедливости ради следует заметить, что требование свободы печати не было абсолютным ни в понимании Мильтона, ни в понимании Лайбберна. «Я не отрицаю того, что для церкви и государства в высшей степени важно бдительным оком следить за поведением книг, так же как и за поведением людей, и в случае надобности задерживать их, заключать в темницу и подвергать строжайшему суду как преступников, – писал Милтон в «Ареопагитике». – ...Но в том и состоит великое искусство управления, чтобы знать, где должен налагать запрет и наказание закон, а где следует пользоваться исключительно убеждением» [33, с. 23, 39]. В свете этого нет ничего удивительного в том, что после установления в Англии республики Милтон в течение трёх лет, с 1649 по 1652 г., занимал должность секретаря Государственного совета и по совместительству исполнял обязанности цензора.

Что же касается Лайбберна, то он, как известно, «большое всего боялся, чтобы его не путали с "уравнителями состояния всех людей", он считал, что различия по рангу и достоинству

нужны, так как они “сохраняют должное уважение и покорность в народе”. Свобода, которую требовал Лиллиберн, должна предоставляться в зависимости от ранга и достоинства, а следовательно – это «ограниченная свобода» [51, с. 68].

Оливер Кромвель, в руках которого к 1654 г. сосредоточилась вся власть в Англии, заметил однажды, что его правительство ничего бы не стоило, если бы не могло выдержать бумажного выстрела. Тем не менее в августе 1655 г. он распорядился в полном объёме восстановить всё предшествующее законодательство с печати, начиная с ордонакса 1643 г., за нарушение которого был привлечён к суду Д. Мильтон, а в сентябре 1655 г. Государственный совет принял решение, в соответствии с которым никто не имел права публиковать какие бы то ни было новости без разрешения государственного секретаря. Результатом принятых мер становится фактическая монополия М. Нидхэма на газетном рынке республики. Воспользовавшись благоприятной ситуацией, в октябре 1655 г. он создаёт в дополнение к «*Mercurius Politicus*» ещё одно издание, «*Public Intelligence*», основная разница между которыми заключалась во времени выхода: первый печатался по четвергам, а второй – по понедельникам [111, р. 7]. Несмотря на то, что их содержание в значительной мере совпадало, обе газеты были прибыльными: при стоимости номера в два пенни (три пенни стоил ужин в таверне) Нидхэму, по некоторым оценкам, удавалось распространять свыше тысячи экземпляров каждой из них [123, р. 58].

Почти во всех упомянутых выше ордонаксах парламента среди печатной продукции, подлежавшей цензурному контролю, упоминаются газеты (до 1642 г. они обозначались просто словом «*paper*», после чего в употребление начинает входить современными термин «*newspaper*») [50, с. 89], которые с началом революции сделали значительный шаг вперёд в своём

развития. Заметно улучшилось их оформление. С мая 1643 г. по декабрь 1646 г. в Лондоне выходила «*Mercatorius Civicus: London's Intelligencer*», который британский историк журналистики XIX в. А. Эндрикс называет «первой иллюстрированной газетой» [64, р. 50]. И действительно, первая полоса её восьмого номера от июля 1643 г. украшена портретами короля и королевы, одиннадцатого – только короли. Публиковала она и другие иллюстрации¹⁹. Кроме того, в этом издании внедрён ещё целый ряд новинки: впервые в подзаголовке появляется указание на место издания, в левом верхнем углу титульной страницы – анонсы материалов внутренних полос.

Содержание газет расширилось благодаря возможности освещать внутренние события в стране, а также за счёт появления на их страницах рекламы и объявлений. В мае 1657 г. лондонский книготорговец Ньюкомб даже предпринял попытку издания рекламной газеты «*Public Advertiser*» [ibid., р. 49–50]. После того как в 1654 г. Кромвель учредил государственную почту и запретил доставку корреспонденции частными лицами, газеты начинают выходить более регулярно. Большинство из них, подобно «*Public Intelligencer*», печаталось по понедельникам, за день до отправки почты в провинции. Кроме того, как мы видели выше, газеты пропитываются инструментом для управления общественным мнением; наконец, некоторые из них начинают приносить своим владельцам хороший доход.

После реставрации на английском престоле династии Стюартов Карл II в 1662 г. восстановил закон о предварительной цензуре 1637 г. Сначала он вводился на три года, но по истечении этого срока был возобновлён ещё раз и продолжал действовать до 1679 г.

¹⁹ Так, например, на первой полосе своего пятого номера она опубликовала изображение нового оружия, с помощью которого планировалось привести к полному прекращению этой войны. Оно представляло собой пист 12 футов длиной с изогнутым утолщением на одном из концов, усиленным лезвием, с тем же лезвием для изогнутого [105, р. 23].

В апреле 1660 г. М. Нидхэм был отстранён от редактирования «*Mercurius Politicus*» и «*Public Intelligence*», перешедших под контроль одного из соратников генерала Момма Генри Маддинана. Он сохранил их формат и оформление, переименовав в «*Mercurius Publicus*» и «*Parliamentary Intelligence*». Вместе с названиями изменились и информационные приоритеты: сообщение о реставрации монархии «*Parliamentary Intelligence*» опубликовал 31 мая 1660 г. мелким шрифтом в самом конце последней страницы [123, р. 59]. По тому же принципу шёрстаны выпуска «*Mercurius Publicus*» от 10 января и 7 февраля 1661 г.²⁶, из чего следует, что речь идёт не об отдельных случайностях, а о целенаправленной редакционной политике. Она объяснялась стремлением Маддинана и бывшего пост главного цензора страны Дж. Беркинхеда всячески содействовать умиротворению расколотой страны, избегая публикации (или по крайней мере приписывая значение) всего того, что могло привести к обострению общественных страстей. Вместе этого он предпочитал заполнять страницы своих газет новостями из-за рубежа, «официальными сообщениями, объявлениями и рекламой».

Но даже такая пресса казалась Карлу II слишком опасной и вольнодумной, а потому в январе 1663 г. Д. Беркинхеда сменил на его посту гораздо более жёсткий цензор Роджер Лестраик. Он немедленно объявил награду в 40 шиллингов любому, кто укажет ему местонахождение нелегального печатного прессы, 5 фунтов стерлингов – тому, кто поможет схватить

²⁶ В первом случае номер старинности сообщений о рождении сына у принца Динборо, брата короля, после чего следует сообщение о рождении королевы, печатаемая новость о изгнании сестры короля, известия из-за рубежа, несколько объявлений, а лишь после всего этого можно узнать, что 1–4 января в Лондоне произошло изуродование лошадей (убийство Вилл. марша) [123, р. 59]. Во втором случае номер начинается с сообщения, призванного ограничить потребление мяса в определённое время, далее следует сообщение провозглашения в стенах английского парламента, несколько официальных постановлений и объявлений о выходе новых книг, после чего в самом конце последней, шестнадцатой страницы можно увидеть сообщение о том, что назначенное на пост главного трюб голландия назначенного князя Карла I – Оливера Кроула, Джона Проклора и Генри Алфорта – изгнаны из двора Вестминстерского дворца [71, р. 27–28].

печатника, решившего надать что-либо в обход цензуры, и 5 шиллингов – за донос на торговца нелегальными книгами, памфлетами либо газетами [81, р. 36–37]. Именно так ему удалось схватить в октябре 1663 г. лондонского печатника Джона Тинна за печатанием памфлета, в котором, помимо прочей ереси, содержалось утверждение о том, что «проявление мудрости и справедливости является обязанностью не только граждан, но и должностных лиц». Отец трёх маленьких детей, которых ему вечно было кормить, Тинн напрасно пытался разжалобить судью своей нуждой. По приговору суда его подвесили за руки, вскрыли живот, сожгли внутренности, затем четвертовали и выставили части тела на всеобщее обозрение в разных частях города [ibid., р. 36–39].

Лестранж не только исполнял обязанности главного цензора страны, но и сменял Мадримана на посту издателя обеих официальных газет. В первом же номере «Mercurius Publicus», которую Лестранж переименовал в «Intelligencer», он объявлял, что вообще не поддерживает идею издания газеты, «так как это делает толпу слишком фамильярной и нахальной и даёт ей возможность судить и ридать о действиях начальства, во ввиду необходимости избавить толпу от прежних заблуждений и предупредить распространение ложных известий газета может оказаться очень полезной, конечно, если она будет издаваться с должной осторожностью» [38, с. 326]. В полном соответствии с этой логикой Лестранж не только переименовал обе газеты (вторая получила название «News»), но и сократил их объём с 16 до 8 полос. И всё же привычка к чтению газет укоренилась в стране настолько, что люди продолжали их покупать, несмотря на то что их стоимость сохранилась на прежнем уровне – по 2 пенса за экземпляр [71, р. 28].

Издательская монополия Р. Лестранжа сохранялась недолго. В 1665 г., спасаясь от эпидемии чумы, королевский

двор укрылся в Оксфорде. Из боязни заразиться король и его придворные избегали привнесения во дворец, что доставлялось из Лондона, поэтому университетский печатник Леонард Лигчфелд получил указание начать издание новой газеты. Её первый номер увидел свет 14 ноября и в течение следующих одиннадцати недель она выходила дважды в неделю, по понедельникам и четвергам, под названием «Oxford Gazette». После окончания эпидемии в феврале 1666 г. её издание переместилось в английскую столицу, где она сменила название на «London Gazette» и продолжила выход как официальный орган королевского двора. В качестве таковой она продолжает выход и до сих пор, что делает «London Gazette» одной из старейших на сегодняшний день европейских газет.

Любопытно отметить, что некоторые историки именно её называют первой английской газетой (см. например: [71, p. 28]), рассматривая все предшествующие издания в качестве «книг новостей». Правда, речь идёт об отличных не столько в содержании, сколько во внешнем виде «London Gazette»: она печаталась с двух сторон на одном листе бумаги вдвое большего формата, а текст на её страницах был поделён на две колонки, подобно голландским курантам. При объёме вдвое меньшем, чем у изданий Лостранжа, она предлагала столько же информации, сколько любое из них. Неудивительно, что «London Gazette» быстро завоевала популярность, хотя публиковала главным образом сообщения из-за рубежа, новости мореплавания, официальные петиции и прокламации. Как писал в 1982 г. С. Морисон, «сегодня... "London Gazette" едва ли могла бы удовлетворять [информационный] аппетит, сформированный чтением даже самой бедной из наших ежедневных газет» [105, p. 21].

Может показаться, что уже в течение первых лет Реставрации было полностью уничтожено всё то, чего английской печати удалось достичь за предшествующие двадцать лет. Однако это

не так. События 1678–1781 гг. наглядно продемонстрировали, что наследие революционной эпохи не-премному живо. В мае 1678 г. Карл II, пытаясь не допустить принятия так называемого «Билля об отводе»⁶⁰, распустил английский парламент до того, как тот успел принять действовавшего закона о цензуре.

Как и в 1640 г., английские печатники не преминули воспользоваться ситуацией, и в 1682 г. в Лондоне возникло 17 новых газет [72, p. 53]. В мае 1680 г. Карл II попытался взять ситуацию под контроль, издав прокламацию, запрещающую печатание «недозволенных книг новостей и памфлетов». Однако к тому моменту порождавшиеся «Биллем об отводе» и мифическим «заговором пинкстона»⁶¹ политические страсти достигли такой степени накала, что король не рискнул использовать репрессивные меры против печати. Вместо этого, доказавшая, пока история с заговором дискредитирует себя в общественных глазах, правительство начинает одного за другим прилагать к ответственности оппозиционных печатников на основании закона о клевете⁶².

Другим примечательным событием этого периода становится появление газет, предлагавших комментарии на важные политические темы в форме диалога двух собеседников. Наиболее ярким их представителем становится издававшаяся с 13 апреля 1681 г. по 9 марта 1687 г. Р. Лестранжем «Observer, in Question and Answer» («Обозреватель в вопросах и ответах»), вскоре сменявшая название на более критическое – «Observator». Выходившая три-четыре раза в неделю, она представ-

⁶⁰ Законопроект, который пытался принять парламент, чтобы не допустить принятия наследником Карла II его младшего брата Якова, католика по вероисповеданию.

⁶¹ Наполеон по сущности оказался в деятельности лорда-исполнителя с целью убийства Карла II, который тем не менее назвал историю антикатолической историей в Англии и привел в своем по ложным обвинениям как минимум 15 человек.

⁶² Однако не только печатники, критиковавшие в 500 фунтов штрафа и смирившиеся на два года в первую из-за необходимости не уходить, Сал Бенджамин Харрис. После, уйдя в Америку, на 25 сентября 1690 г. выпустил там первый (и оказался единственным) номер американской газеты «Publick Courant or Both Foreign and Domestic» («Общественные события, как иностранные, так и местные»).

ляла собой обсуждение текущих политических вопросов в форме диалога торя и вигя, призванного убедить читателя в правильности нужной точки зрения.

Естественно, что у Лестранжа торя, сторонником которых он сам являлся, всегда одерживал верх над вигом. Но в данном случае примечательно не это обстоятельство, а тот факт, что даже столь рыаный противник свободы прессы, как Роджер Лестранж, считавший вредным предоставлять обществу возможность обсуждения политических вопросов, был вынужден заниматься в своей газете именно этим.

В 1685 г. Яков II, сменивший на престоле Карла II, возобновил закон о предварительной цензуре сроком на семь лет. Для английской печати вновь наступают трудные времена, и «Славная революция» 1688 г. мало что изменила в этом отношении. Практически единственными разрешенными изданиями того времени оставались официальная «*London Gazette*» и «*The Present State of Europe; or, the Historical and Political Monthly Mercury*» («Нынешнее состояние Европы, или Ежемесячный исторический и политический меркюри»).

В 1689 г. в Англии был принят «Билль о правах», однако провозглашённый в нем принцип свободы слова распространялся только на парламентские дебаты: «...духовные и светские лорды и общины, собравшиеся ныне в качестве полного и свободного представительства этого народа, заявляют... Что свобода слова, прений и всего того, что происходит в парламенте, не может подвергаться преследованию или быть предметом рассмотрения в каком-либо суде или месте, кроме парламента» [17, с. 338].

«Билль о правах» не помешал парламенту в 1693 г. возобновить закон о предварительной цензуре, хотя это произошло и не без внутренней борьбы. Его действие было продлено всего на два года, и когда этот срок истёк, палата общин практиче-

ски единогласно отказалась возобновить его законы. Основанием для этого послужило вовсе не стремление к свободе прессы как политическому идеалу, а соображения сугубо практического характера. Закон о цензуре «был признан вредным, потому что давал возможность “Компаниям книгоиздателей и книготорговцев” заниматься вымогательством у издателей, позволял правительственным агентам производить обыски в домах на основании обычного ордера, ограничивал торговлю импортными книгами территориальной Лондонского порта; вынуждал хранить упаковки с ценными книгами на таможенных до тех пор, пока они не покрывались плесенью... Таковы аргументы, которые привели к тому, чего не смог добиться Милтон при помощи “Аренагитики”, – саркастически заметил известный английский историк XIX в. Томас Маколей [103, р. 541–542]. И всё же этот шаг парламента, по его мнению, «сделал больше для свободы и цивилизации, чем “Великая хартия” или “Билль о правах”» [ibid., р. 540].

1895 год, без сомнения, ознаменовался началом новой эпохи для английской прессы. Отныне главными факторами, определявшими её дальнейшее развитие, становятся силы рынка и законодательство о клевете. «Славная революция» 1688 г. покончила с династическими правами на наследование престола, а это означало, что в дальнейшем судьба английских королей в значительной степени зависела от их способности управлять общественным мнением. Вырвавшиеся из оков цензуры газеты начинают постепенно выходить за рамки строго факстологического освещения событий и превратятся в XVIII в. в основное оружие идеологической и межпартийной борьбы, заменив собой политические памфлеты предидеустекующей эпохи.

В течение одного месяца после того, как срок действия закона о цензуре истёк, в Лондоне появляется сразу семь новых изданий. Наиболее успешными из них становится «Post Boy»

Аболи Бейера, «Flying-Post» Джорджа Ридмата и «Post-Male» Жана де Фонвина³³. Все они выходили трижды в неделю, по вторникам, четвергам и субботам, поскольку в эти дни происходила отправка почты в провинцию. Последнюю, четвертую полосу некоторые из них намеренно оставляли чистой, чтобы жители столицы могли от руки дописать известные им новости либо использовать её для личного письма. О востребованности подобных изданий в провинциях позволяет судить тот факт, что «Post-Male» и «Post Boy» печатались тиражом от 2 до 3 тыс. экземпляров, тогда как тиражи газет, распространявшихся в пределах Лондона, не превышали тысячи экземпляров [71, p. 9–40]. Собственные издания вскоре начинают возникать и в крупнейших провинциальных городах. Первым из них становится газета «Bristol Post Boy», основанная 12 августа 1704 г.

Поскольку закон о цензуре просто истёк и не было никаких гарантий того, что в один прекрасный момент парламент не возобновит его вновь³⁴, английские издатели на большем протяжении первых двух десятилетий XVIII в. предпочитали проявлять разумную осторожность, заполняя страницы своих газет преимущественно сообщениями из-за рубежа. Интерес к ним подогревала Война за испанское наследство, которую Англия вела против Франции и её союзников в Европе и на территории Северной Америки. Ярким примером тому может служить первая ежедневная газета «Daily Courant», увидевшая свет в Лондоне 11 марта 1702 г. Отпечатанная в две колонки с одной стороны листа, она полностью состояла из сообщений двух голландских и одной французской газеты. Здесь же располагалось обращение к читателю, в котором её издатель обещал, что он «не станет под предлогом того, что распо-

³³ Наименование этих газет наводит на мысль о том, что они издавались в Лондоне, если в середине XVII в. в названиях английских газет преобладало слово «Mercator», то теперь такое обязательное компонентом становится слово «Post» (почта) [38, с. 325].

³⁴ Такое положение действительно продолжалось в 1697, 1699, 1703, 1704 и 1712 гг. [71, p. 42].

лагает информацией на собственных источниках, приукрашивать события вымышленными обстоятельствами, но будет излагать их объективно и беспристрастно, указывая в начале каждого сообщения, из какой иностранной газеты оно взято, чтобы публика, видя, откуда поступила новость, лучше могла судить о надёжности и достоверности сообщения. Он не будет также высказывать собственных предположений и комментариев, полностью основываясь на фактах и полагая, что другие люди обладают достаточным рассудком чтобы сделать собственные выводы. «*Constant*» (как указывает её название) будет издаваться ежедневно, будучи предназначена сообщать все новости, как только их доставит почта, ограничиваясь половинным объёмом, чтобы уберечь публику как минимум от излишней неестественности других газет» [64, с. 99–100].

«*Daily Constant*» следовала этому плану первые 40 дней своего существования, затем перешла под контроль нового издателя, Самуэля Бакли, который увеличил её объём до двух страниц и периодически дополнял переводы из иностранных газет внутренними новостями. Под его руководством «*Daily Constant*» продолжала выходить до 1735 г., после чего была поглощена другой ежедневной газетой – «*Daily Gazetteer*».

«Век королевы Анны», правление которой пришлось на 1702–1714 гг., как и период с января по август 1642 г., часто называют «памфлетной войной», только на сей раз она велась не королём и парламентом, а двумя ведущими политическими партиями страны. «Выборы в парламент, проходившие в соперничестве вигов и тори, побуждают бороться за общественное мнение – за избирателя. К нему обращались способом, испытанным уже в годы Революции, – через памфлет, возникавший по любому значительному случаю, но и это уже казалось недостаточным. Ощущали потребность в том, чтобы внимание было непрекращающимся, ежедневным...» [61, с. 9].

Наглядным примером постепенного перехода идеологических функций памфлета к новому типу изданий, который английские исследователи, в отличие от газет (*newspapers*), часто называют «*newspaper*», а их российские коллеги – просто журналами, может служить деятельность одного из наиболее известных английских литераторов и издателей начала XVIII в. – Даниэля Дефо. В 1703 г. он оказался в Ньюгейтской тюрьме за публикацию направленного против пришедшего к власти правительства тора памфлета «Кратчайший способ расправы с диссидентами». Несколько месяцев спустя благодаря заступничеству государственного секретаря Роберта Харли Дефо был отпущен, по-видимому, в обмен на согласие стать секретным агентом Харли, одного из тех государственных деятелей начала XVIII в., которые хорошо понимали важность правильно организованной пропаганды.

Выйдя на свободу, Дефо основал «*A Weekly Review of the Affairs of France*» («Еженедельное обозрение отношений Франции»), выходившее с 19 февраля 1704 г. до 11 июня 1713 г. «От других изданий, выходивших в первые годы правления королевы Анны, “Review” отличалось прежде всего тем, что являлось органом не новостей, а мнений. Как объяснял своим читателям сам Дефо, когда “Review” достигло примерно середины своего жизненного пути: “Я никогда не намеревался сделать “Review” газетой (a News-Paper)”. Вместо этого ключевое эссе приобретает в “Review” форму политического комментария, подобного передовой статье в современных качественных газетах» [76, р. 129].

На страницах «Review» Дефо освещал вопросы, связанные с историей, политикой и военной стратегией Франции, с которой Англия в тот момент вела Войну за испанское наследство. Но, в отличие от памфлетов, всегда рассчитанных «как выпад, как удар» [61, с. 26], он стремился придать ему характер не-

партийного издания, на что указывало его полное название: «*A Weekly Review of the Affairs of France: Purged from the Errors and Partiality of News-Writers and Petty-Statesmen, of all Sides*» («Еженедельное обозрение отношений Франции: избавленное от ошибок и пристрастности авторов новостей и мелких политиков всех лагерей»).

Дефо действительно пытался отыскать некую золотую середину между вигами и тори, что не мешало ему, по утверждению британского историка журналистики Б. Кларка, выполнять роль «агента-provokatora, сохраняя доверие влиятельных читателей благодаря нападкам на крайних консерваторов со страниц “Review” и в то же время заигрывая с позицией влиятельных умеренных тори, к которым принадлежал Харли» [71, p. 47].

«Review» оказалось довольно эффективным средством пропаганды. Помимо умеренного политического курса, этому способствовали ещё два важных фактора: «Во-первых, “Review” стоило значительно дешевле обычного памфлета. Во-вторых, периодичность позволяла Дефо развивать свои аргументы с течением времени, а также эффективно использовать главное оружие пропагандиста: повторение» [76, p. 20].

«Их книги и памфлеты получают солидный и основательный ответ, — жаловался один из политических противников Дефо, — а вот их [периодические] издания игнорируются, я имею в виду их еженедельные пенсовы издания, которые распространяются по всей стране подобно газетам и причиняют гораздо больший вред. Значительная часть людей не читает книг, многие из них вообще не умеют читать, но они собираются вокруг одного грамотного и слушают [чтение] “Observer” или “Review” (как я сам видел это на улицах)» [99, p. IV].

Дефо, несомненно, обладал выдающимися журналистскими задатками, он стремился не только воздействовать на мнение своих читателей, но и развлечь их. И всё же на первом

месте для него находились именно пропагандистские цели, как свидетельствует судьба одной из его наиболее успешных журналистских находок, рубрики «*Mercurie Scandale: or, Advice from Scandalous Club*» (Скандальный Меркурий, или Советы из Клуба скандалов), призванной «уравновесить» серьезность проблем, затрагивавшихся в его эссе. На её страницах Дефо от имени придуманного им кружка законодателей нравов отвечал на самые разные вопросы читателей, связанные с богословием, общественной моралью, литературой, торговлей, супружеством; высмеивал судей, появившихся на публике выпившими, предлагал молодым людям советы, как избежать дуэлей, советовал домохозяйкам, как отвыкнуть от назойливых соседей. «Советы из Клуба скандалов» быстро завоевали широкую популярность, и с сентября 1704 г. Дефо даже выпускал специальное ежемесячное приложение к своему журналу под названием «*Supplements to the Advice from Scandal*. Club». По мнению некоторых исследователей, на начальном этапе именно «Советы из Клуба скандалов» выступали двигателем успеха «*Review*» [87, p. 15]. Но с ноября 1705 г. «Советы из Клуба скандалов» исчезают из «*Review*», чтобы освободить место для освещения парламентской избирательной кампании 1705 г., а затем – идеологической поддержки объединения Англии с Шотландией²⁵.

Несмотря на то, что «*Review*» Даниэля Дефо становится важной вехой в развитии английской журналистики, более ярким примером журналистского успеха, выпавшего на долю «е-

²⁵ Современности ради следует отметить, что в течение некоторого времени Дефо также выпускал «Советы из Клуба скандалов» в своем журнале «*Little Review*». Начиная с 6 июня 1705 г. вышло 23 номера «*Little Review*», после чего издание прекратилось. Некоторые исследователи объясняют отказ Дефо от этого перспективной журналистской идеи тем, что в следующем, 1706 г. он по приглашению Р. Хария был вынужден отправиться в Шотландию и, находясь вдали от Лондона, едва ли мог успешно продолжать издание рубрики, в которой высказывался по поводу политических интересов лондонского общества. В подобном утверждении есть несомненная доля правды, однако тот факт, что в дальнейшем Дефо никогда не пытался возродить её вновь, ещё раз подтверждает, что он продолжал в первую очередь пропагандистские цели.

ную пародию, всё же выступают сатирико-нравоучительные журналы Р. Стилла и Д. Аддисона «*Tatler*» («Болтуны», 1709–1711 гг.) и «*Spectator*» («Зритель», 1711–1712 гг.).

Как указывает предисловие к первому из них, его основатель, Р. Стилл, подобно Дефо, намеревался не столько информировать своих читателей, сколько формировать их мнение: «Хотя другие газеты, издававшиеся для пользы славных людей Англия, несомненно, оказывают весьма благотворный эффект и достойны похвалы в своём роде, они всё же, как представляется, не приблизились к тому главному типу повествования, которое, как я смиренно полагаю, должно быть предназначено для пользы тех политических личностей, которые настолько озабочены заботой об общественном благе, что пренебрегают собственными делами, чтобы разобраться в государственных делах. Поскольку по большей части эти джентльмены являются людьми большого рвения и слабого интеллекта, является благородной и необходимой задачей предложить что-либо, посредством чего столь ценные и неравнодушные граждане государства могли по прочтении получить наставления, что им думать: такова должна быть конечная цель моей газеты» [130, р. 11].

Стилл не сразу находит оптимальную форму для подобной цели. Выходявший трижды в неделю «*Tatler*» в течение первых шести месяцев больше напоминал газету, состоявшую из четырёх разделов. Первые три представляли собой отчёты о новостях из кофейни, расположенных в разных частях Лондона. В одном обсуждались преимущественно современные нравы и манеры, в другом – литературные события, а третьим – новости науки. В четвёртом разделе, имевшем подзаголовок «Из моих собственных апартаментов», размещались сообщения на самые разные темы. Но через полгода структура журнала изменится: стержнем каждого номера становится отдельное эссе на тему современных нравов, написанное от имени литера-

турной маски – 60-летнего английского джентльмена Исаака Бинкерстафа. «...[Я] выступал от лица пожилого человека, философа, юмориста, астролога и цензора, чтобы привлечь читателя разнообразием тем и сдобрить, если удастся, серьезность [доходов] рассудка приятностью юмора, – писал Стиль в последнем, 271-м номере «Tatler». – ...Я рассудил, что строгость манер абсолютно необходима для того, кто собирается судить других, и поэтому, только поэтому решил выступить от лица [литературной] маски» [130, р. 431].

«Tatler» очень быстро приобрёл огромную популярность. Точных данных о его тираже не сохранилось, но, по всей видимости, он составлял около 3 тыс. экземпляров и распространялся далеко за пределами Лондона [93]. Тем не менее в 1711 г. Стиль прекращает его издание, чтобы совместно с Д. Аддисоном начать выпуск нового журнала, «Spectator», выходившего шесть раз в неделю с 1 марта 1711 г. по 6 декабря 1712 г.

Интересно отметить, что характер «министра Зрителя», от лица которого издавался «Spectator», представлял собой едва ли не полную противоположность предыдущей литературной маске. От эксцентричного графомана-одиночки Исаака Бинкерстафа «министр Зритель» отличался крайним немногословием и являлся членом небольшого клуба, который, по мнению некоторых исследователей, представлял собой «модель английского общества в миниатюре» [107, р. 210]. Однако это не совсем так, поскольку из всех членов клуба лишь один, торговец Эндрю Фрипорт, выступает деятельным членом общества, а то время как остальные ведут праздное существование. Кроме того, их роль на страницах журнала не столь велика, как можно было бы ожидать: из 535 номеров «Spectator» лишь 45 написаны от лица членов клуба либо как-то связаны с ними. Гораздо более важным источником материала становится письма читателей, ставшие содержа-

нием (или обеспечивавшие большую его часть) 250 номеров «Spectator» [92, p. 67].

Чем же, в таком случае, привлекала идея клуба Аддисона и Стюла, а в дальнейшем и многих других издателей? Как справедливо отмечает английская исследовательница И. Итальяна, с одной стороны, она обеспечивала своего рода редакционную страховку, позволяя прибегнуть к использованию той или иной литературной маски, если по какой-то причине материала для очередного номера окажется недостаточно. С другой стороны, идея клуба выступала своего рода связующим звеном между редактором как частным лицом и читающей публикой, метафорой, диктующей определённый характер как написания материалов, так и их восприятия [ibid., p. 75]. Не случайно известный немецкий философ и социолог Ю. Хабермас считал правоучительные еженедельники, в особенности «Tatler» и «Spectator», важными инструментами становления буржуазной общественной сферы в XVIII в. [55, с. 96–97], и в этом смысле они действительно явились необходимым переходным звеном от газет и памфлетов XVII в. к современной прессе.

Парадоксальным образом важную роль в данном процессе сыграло принятие «Закона о гербовом сборе 1712 г.» (Stamp Act), преследовавшего двоякую цель. Правительство надеялось с его помощью, с одной стороны, заменить искидывавшую себя цензуру методами фискального контроля, а с другой – изыскать дополнительные средства для ведения Войны за испанское наследство. В соответствии с законом каждый экземпляр газеты подлежал налогообложению в полпенини при объёме в половину печатного листа или один пеннинг за полный печатный лист. Помимо этого, газеты платили по шиллингу с каждого рекламного объявления.

Наданные, объём которых превышал печатный лист, попадали в категорию памфлетов, налог на которые рассчитывал-

ся иначе: два шиллинга за печатный лист независимо от тиража. В результате в законе возникла юридическая лазейка, благодаря которой английские газеты могли увеличить объём до шести страниц (полтора печатных листа), чтобы платить фиксированную ставку налога в два шиллинга с печатного листа.

Тем не менее большинство из них предпочло иной путь: они отреагировали повышением стоимости номера с одного до полутора пенсов и ростом расписок на рекламу. Как утверждает британский историк М. Канбой, издатели «проницательно рассудили, что интерес к новостям достаточно укоренился, чтобы выдержать небольшое повышение цены... животрепещущие события, популярные персонажи и противоречия, связанные с министерством Уолпола, а также становление двухпартийной политической системы привлекали внимание читателей и превращали новости в товар, за который готово было платить всё большее число людей» [72, p. 67].

Напикся, естественно, и те, кто предпочёл увеличить объём номера, хотя это поставило их перед непростым вопросом о том, чем заполнить дополнительные страницы. После завершения в 1713 г. Войны за испанское наследство интерес англичан к новостям из-за рубежа заметно сократился, а профессиональных репортёров в Лондоне начала XVIII в. ещё не существовало. Поэтому газеты, решившие воспользоваться лазейкой в законе, подобно «British Mercury» в 1713 г., были вынуждены заполнять избыток печатной площади перепечатками исторических и литературных произведений – от «Краткого исторического и хронологического описания всех империй мира» до «Приключений Синдбада-морехода».

Альтернативным решением, которое подсказывал успех Д. Дефо, Аддисона и Стила, становится публикация на страницах газет эссе на политические темы. Одной из первых по

этому пути пошла ярко выраженная оппозиционная газета «Mist's Weekly Journal», выходявшая с 1717 по 1728 г.³⁴ Поскольку после 1712 г. гербовый сбор становится значимым источником пополнения государственной казны, страхи английских издателей перед возможным возобновлением закона о цензуре постепенно исчезают, и в 1720-х гг. газеты вытесняют памфлеты в качестве основного оружия политической борьбы.

Последние, впрочем, продолжали процветать. Фактически они представляли собой неофициальные, зачастую нелегальные произведения, появлявшиеся нерегулярно, продаваемые на улицах в розницу и лишь выгравировавшие от появления газет, издававшихся с уплатой штемпельного сбора. Они обивали цены на официально разрешенные издания, привлекая неограниченной свободой выражения. Как утверждает М. Кембой, именно ощущавшаяся легальной прессой необходимость конкуренции с неофициальными изданиями, претендующими на отражение интересов общественности, снабжения последней актуальной, привлекающей внимание информацией привела к рождению в середине XVIII в. современной журналистики [72, р. 68].

В его словах содержится несомненная доля истины, и всё же, по-видимому, правильное вести речь о появлении в Англии первой половины XVIII в. преобразованной общественной политической газеты, а не журналистики.

После принятия очередного повышения в 1725 г. штемпельного сбора еженедельным газетам пришлось увеличить

³⁴ Важно заметить, что оппозиционность английской прессы XVIII в. достигала своего апогея именно в периоду процветания правительственной газеты «London Gazette», бывавшей популярна у читателей. Появление в этом отношении пример оппозиционной «London Gazette», которую в 1700 г. английское правительство решило закрыть на свою сторону при помощи закона. Хотя оппозиционные издания с легким сердцем, содержавшие весьма злободневные «London Gazette», в котором тот разъяснял, что в качестве оппозиционной газета распространяется тиражом в 15 тыс. экземпляров и приносит ему 500 фунтов прибыли в год, а в случае периода на сторону правительствия её тираж сократится до 5 тыс. экземпляров, resulting proceeds уменьшатся вдвое, а прибыль упадет до 124 фунтов в год [71, р. 84].

стоимость номера ещё на полшенины. Поскольку в новой редакции закона юридическая лазейка 1712 г. была ликвидирована, они сократили количество своих страниц до четырёх, увеличив их формат и число колонок на них (их становится три). Именно после этого газеты начинают приобретать не только свой современный вид, но и структуру, тремя основными компонентами которой становится передовая статья на первой полосе, новости на второй и третьей полосах, а также реклама на четвёртой.

Рекомендуемая литература к главе 4

- Беглов, С. И. Четвертая власть: Британская модель [Текст] / С. И. Беглов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002.
- Лазурский, Л. Сатирико-нравоучительные журналы Стиля и Аддисона (Из истории английской журналистики XVIII в.) [Текст] / Л. Лазурский // История печати: антология. – М.: Аспект Пресс, 2008. – Т. 3. – С. 183–271.
- Матвеев, В. А. Империя Флит-стрит (современная пресса Англии) [Текст] / В. А. Матвеев. – М.: Политиздат, 1961.
- Пименова, Э. Очерк истории развития английской журналистики [Текст] / Э. Пименова // История печати: антология. – М.: Аспект Пресс, 2001. – Т. 2. – С. 316–365.
- Пруцков, Г. В. Введение в мировую журналистику. От Античности до конца XVIII века [Текст] / Г. В. Пруцков. – М.: Аспект Пресс, 2010.
- Соколов, В. С. Периодическая печать Великобритании [Текст] / В. С. Соколов, С. М. Виноградова. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2000.
- Трубицына, И. В. Английская журналистика XVII века – от рукописных листков к печатной газете [Текст] / И. В. Трубицына // Вестник Московского университета. – Сер. Журналистика. – 1978. – № 2. – С. 83–92.

* Трубинина, И. В. Pamфлетная публицистика Английской буржуазной революции XVII века (проблемы, доктрины, авторы) [Текст] / И. В. Трубинина // Вестник Московского университета. Сер. Журналистика. – 1978. – № 4. – С. 53–69.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аграновский, В. Вторая древнейшая. Беседы о журналистике [Текст] / В. Аграновский. – М.: Вагриус, 1999. – 414 с.
2. Андерсон, Е. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма [Текст] / Е. Андерсон; пер. В. Г. Николаева. – М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.
3. Аполлонова, Л. П. Журналистика как социальный институт [Текст]: учеб. пособие / Л. П. Аполлонова. – Ростов н/Д: Логос, 2010. – 110 с.
4. Аристотель. Поэтика. Риторика [Текст] / Аристотель. – СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2014. – 320с.
5. Арон, Р. Этапы развития социологической мысли [Текст] / Р. Арон. – М.: Прогресс – Полигиз, 1992. – 608 с.
6. Ахмадулин, Е. В. Краткий курс теории журналистики [Текст]: учеб. пособие / Е. В. Ахмадулин. – М.; Ростов н/Д: МарТ, 2006. – 272 с.
7. Ворухович, В. Г. Публицистическая деятельность Исократ [Текст] / В. Г. Ворухович, Э. Д. Фролов // Исократ. Речь. Письма; Малые аттические ораторы. Речь. – М.: Ладомир, 2013. – С. 821–849.
8. Буассье, Г. Газета Древнего Рима [Текст] / Г. Буассье // История печати: Антология. – М.: Аспект Пресс, 2008. – Т. 3. – С. 5–32.
9. Бюлер, К. Происхождение газеты [Текст] / К. Бюлер // История печати: Антология. – М.: Аспект Пресс, 2001. – Т. 2. – С. 7–27.
10. Вернадский, В. И. Избранные труды по истории науки [Текст] / В. И. Вернадский – М., 1981. – 356 с.

11. Виллен, Ж. Очерки о репортаже. Его отцом был Геродот [Текст] / Ж. Виллен // Журналист. – 1970. – № 3. – С. 74–77.
12. Гаспаров, М. Л. Цицерон и античная риторика [Текст] / М. Л. Гаспаров // Три трактата об ораторском искусстве / Марк Туллий Цицерон; под ред. М. Л. Гаспарова. – М.: Наука, 1972. – С. 7–73.
13. Геродот. История [Электронный ресурс] / Геродот; пер. Г. А. Сتراتановского. – URL: <http://ancientrome.ru/antlitrr/herodot/index.htm>.
14. Дедюков, И. А. Публицистика [Текст] / И. А. Дедюков // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А. А. Сурков. – М.: Советская энциклопедия, 1962–1978. – Т. 6. – С. 72–75.
15. Демосфен. За Ктесифонта о венке [Текст] // Речь в 3 т. / Демосфен; пер. С. И. Радцига. М.: Памятники исторической мысли, 1996. – Т. 3. – С. 210–303.
16. Дирингер Д. Алфавит [Текст] / Д. Дирингер. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1963. – 656 с.
17. Законодательство английской революции 1640–1660 гг. [Текст] / сост. Н. П. Дмитриевский; отв. ред. Е. А. Косминский. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. – 382 с.
18. Засурский, Я. Журналистика: от Гутенберга до Била Гейтса [Электронный ресурс] / Я. Засурский // Отечественные записки. – 2003. – № 4. – URL: http://magazines.russia.ru/ez/2003/4/2003_4_24.html.
19. Исократ. Речь. Письма; Малые аттические ораторы. Речь [Текст]. – М.: Ладомир, 2013. – 1072 с.
20. История мировой журналистики [Текст] / А. Г. Беспалова [и др.]. – 3-е изд. – М.; Ростов н/Д: МарТ, 2003. – 432 с.
21. Каминский, П. П. Принципы исследования публицистики на современном этапе [Текст] / П. П. Каминский //

- Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2007. – № 1. – С. 97–105.
22. Кирия, И. В. История и теория медиа [Текст] / И. В. Кирия, А. А. Новикова. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. – 423, [1] с.
23. Ковалёва, М. М. Понятие «журналистика» как инф [Текст] / М. М. Ковалёва // Профессиональная культура журналиста: актуальные проблемы образования: межвузовский сб. статей и материалов к 75-летию журналистского образования на Урале. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. – С. 61–66.
24. Корконосенко, С. Г. Движение в терминологическом аппарате теории журналистики [Текст] / С. Г. Корконосенко // УМО-регион. Вып. 3, Какой журналистике учим? – Екатеринбург, 2006. – С. 6–16.
25. Корконосенко, С. Г. Основы журналистики [Текст] / С. Г. Корконосенко. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 285 с.
26. Карнилова, Е. Н. Риторика – искусство убеждать. Способы публицистики античной эпохи [Текст] / Е. Н. Карнилова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. – 208 с.
27. Лальберн, Д. Pamфлеты [Текст] / Д. Лальберн. – М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1987. – 120 с.
28. Лукриан Самосатский. Похвала Демосфону [Электронный ресурс] / Лукриан Самосатский; пер. Н. П. Баранова. – URL: <https://itresp.ru/chitat/ru/Plukian/lukian-zamosatskij-gochineniya/71>.
29. Лучинский, Ю. В. История зарубежной журналистики: от истоков до наших дней [Текст] / Ю. В. Лучинский. – Сухум: Абхазск. гос. ун-т, 2009. – 257 с.
30. Лучинский, Ю. В. Очерки истории зарубежной журналистики [Текст] / Ю. В. Лучинский. – Краснодар, 1996. – 140 с.
31. Майер, И. Периодическая печать XVII века в Европе // Вестн-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.: Илю-

- странные оригиналы к русским текстам [Текст] / подг. Н. Майер. – М.: Языки славянских культур, 2008. – Ч. 2. – С. 25–52.
32. Маклюм, М. Галактика Гутенберга: становление человека печатающего [Текст] / М. Маклюм; пер. И. О. Тюриной. – М.: Академический Проект: Гаудамус, 2013. – 496 с.
33. Миллатон, Д. О свободе печати (Ареопагитика) [Текст] / Д. Миллатон // История печати: антология. – М.: Аспект Пресс, 2002. – Т. 1. – С. 7–64.
34. Миссюжников, Б. Журналистика. Введение в профессию: учеб. пособие [Текст] / Б. Миссюжников, А. Тепляшина. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2018. – 272 с.
35. Немировский, Е. Л. Изобретение Иоганна Гутенберга. Из истории книгопечатания. Технические аспекты [Текст] / Е. Л. Немировский. – М.: Наука, 2000. – 658 с.
36. Непот, К. Тит Помпоний Аттик [Электронный ресурс] / К. Непот; пер. Н. Н. Трухиной. – URL: <http://ancientrome.ru/antlitit/t.htm?a=1479002500>.
37. Новомбергский, Н. Освобождение печати во Франции, Германии, Англии и России [Текст] / Н. Новомбергский // История печати: антология. – М.: Аспект Пресс, 2001. – Т. 1. – С. 195–419.
38. Пименова, Э. Очерк истории развития английской журналистики [Текст] / Э. Пименова // История печати: антология. – М.: Аспект Пресс, 2001. – Т. 2. – С. 316–365.
39. Платон. Диалоги [Текст] / Платон. – М.: Эсмо, 2009. – 640 с.
40. Платон. Сочинения [Текст]: в 4 т. / Платон. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2006. – Т. 1. – 632 с.
41. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Демокфен [Электронный ресурс] / Плутарх. – URL: <http://ancientrome.ru/antlitit/t.htm?a=1439003900>.

42. Прохоров, К. П. Введение в теорию журналистики [Текст] / К. П. Прохоров. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 351 с.
43. Прохоров, Е. П. Журналистика [Текст] / Е. П. Прохоров // Большая советская энциклопедия: в 30 т. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1979. – Т. 9. – С. 252–253.
44. Саламон, Л. Всеобщая история прессы [Текст] / Л. Саламон // История печати: антология. – М.: Аспект Пресс, 2001. – Т. 1. – С. 65–194.
45. Сестоний. Жизнь двенадцати цезарей [Электронный ресурс] / Сестоний; пер. М. Л. Гаспарова. – URL: <http://ancientrome.ru/antlitcr/t.htm?a=1354635514>.
46. Суриков, Н. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи: время расцвета демократии [Текст] / Н. Е. Суриков. – М.: Наука, 2008. – 380 с.
47. Суриков, Н. Е. «В круге первом»: появление древнейших памятников европейского историописания (Греция VI–V вв. до н. э.) [Текст] / Н. Е. Суриков // Древнейшие государства Восточной Европы. 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. – М., 2016. – С. 168–202.
48. Тацит. Анналы [Электронный ресурс] / Тацит; пер. А. С. Бобовича. – URL: <http://ancientrome.ru/antlitcr/tacit/index.htm>.
49. Тронский, Н. М. История античной литературы [Текст] / Н. М. Тронский. – М.: Высшая школа, 1983. – 464 с.
50. Трубицкая, Н. В. Английская журналистика XVII века – от рукописных листов к печатной газете [Текст] / Н. В. Трубицкая // Вестник Московского университета. – Сер. Журналистика. – 1978. – № 2. – С. 83–92.
51. Трубицкая, Н. В. Pamфлетная публицистика Английской буржуазной революции XVII века (проблемы, доктрины, ав-

- тория» [Текст] / И. В. Трубникова // Вестник Московского университета. Сер. Журналистика. – 1978. – № 4. – С. 53–69.
52. Утченко, С. Л. Древний Рим. События, люди, идеи [Текст] / С. Л. Утченко – М.: Наука, 1969. – 324 с.
53. Учёнова, В. В. У истоков публицистики [Текст] / В. В. Учёнова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. – 214 с.
54. Фукидид. История [Текст] / Фукидид. – Л.: Наука, 1981.
55. Хабермас, Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества [Текст] / Ю. Хабермас. – М.: Восток мир, 2016. – 344 с.
56. Цицерон. Брут, или О знаменитых ораторах [Электронный ресурс] / Цицерон; пер. И. П. Стрельниковой. – URL: <http://ancientrome.ru/antlitrr/t.htm?a=1423777004>.
57. Цицерон. В защиту Секста Росция из Америк [Электронный ресурс] / Цицерон; пер. В. О. Горюхиной. – URL: <http://ancientrome.ru/antlitrr/t.htm?a=1267350001014>.
58. Цицерон. Марку Целлю Руфу, в Рим [Электронный ресурс] / Цицерон; пер. В. О. Горюхиной. – URL: <http://ancientrome.ru/antlitrr/t.htm?a=1345960200>.
59. Цицерон. Об ораторе [Электронный ресурс] / Цицерон; пер. Ф. Ф. Петровского. – URL: <http://ancientrome.ru/antlitrr/cicero/index-tract.htm>.
60. Цицерон. Против Катилины. Первая речь [Электронный ресурс] / Цицерон; пер. Т. Васильевой. – URL: <https://librolife.ru/g3313338>.
61. Шайтанов, И. «Столетье безумно и мудро...» [Текст] / И. Шайтанов // Англия в памфлетах: Английская публицистическая проза начала XVIII века. – М.: Прогресс, 1987. – С. 5–34.
62. Шеллинг, М. Очерки по истории мировой поэты [Текст] / М. Шеллинг // История печати: антология. – М.: Аспект Пресс, 2008. – Т. 3. – С. 33–182.

63. *Altshull, H. John Milton and Self-Righting Principle [Text] / H. Altshull // Principles of American Journalism. An Introduction.* – Ginn Press, 1990. – P. 71–76.
64. *Andrews, A. The History of British Journalism: From the Foundation of the Newspaper Press in England, to the Repeal of the Stamp Act in 1855, with Sketches of Press Celebrities [Text]: in 2 vols. / A. Andrews.* – London: R. Bentley, 1859. – Vol. I. – 339 p.
65. *Bauer, O. Zeitungen vor der Zeitung. Die Fuggerzeitungen (1568–1606) und das frühmoderne Nachrichtensystem [Text] / O. Bauer.* – Berlin: Akademie Verlag, 2011. – 436 S.
66. *Briggs, A. A Social History of the Media: From Gutenberg to the Internet [Text] / A. Briggs, P. Burke.* – Cambridge: Polity, 2005. – 304 p.
67. *Carey, J. The Problem of Journalism History [Text] / J. Carey // James Carey: A Critical Reader.* – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997. – 355 p.
68. *Catalogue of the Pamphlets, Books, Newspapers, and Manuscripts Relating to the Civil War, the Commonwealth, and Restoration, Collected by George Thomason, 1640–1661 [Text] – London, 1908.* – Vol. 1. – III–XXV, 895 p.
69. *Chalaby, J. K. Journalism as an Anglo-American invention: a comparison of the development of French and Anglo-American journalism, 1830s–1920s [Text] / J. K. Chalaby // European Journal of Communication.* – 1996. – Vol. 11, № 3. – P. 303–326.
70. *Chalaby, J. K. The Invention of Journalism [Text] / J. K. Chalaby.* – N. Y.: Palgrave Macmillan, 1998. – 212 p.
71. *Clarke, B. From Grub Street to Fleet Street: An Illustrated History of English Newspapers to 1899 [Text] / B. Clarke.* – Burlington, VT: Ashgate, 2004. – 283 p.
72. *Conboy, M. Journalism: A Critical History [Text] / M. Conboy.* – London: Sage, 2004. – 246 p.

73. Corns, T. Telling People what to Think: Early Eighteenth Century Periodicals from the Review to the Rambler [Text] / T. Corns, J. A. Downie. – London: Routledge, 2012. – 140 p.
74. Dahl, F. Amsterdam Cradle of English Newspapers [Text] / F. Dahl // *The Library*. – 1949. – Vol. 5, No. 3. – P. 166–178.
75. Dahl, F. Amsterdam Earliest Newspaper Centre of Western Europe [Text] / F. Dahl // *New Contributions to the History of the First Dutch and French Corantos*. – Amsterdam: Springer Netherlands, 1989. – P. 161–197.
76. Downie, J. A. Stating Facts Right About Defoe's Review [Text] / J. A. Downie // *Telling People What to Think: Early Eighteenth Century Periodicals from the Review to the Rambler*. – London: Routledge, 2012. P. 8–22.
77. Eaman, R. Historical Dictionary of Journalism [Text] / R. Eaman. – Lanham: Scarecrow Press, 2009. – 387 p.
78. Eisenstein, E. L. The Printing Press as an Agent of Change [Text] / E. L. Eisenstein. – Cambridge: Cambridge University Press, 1980. – Vol. 1. – 794 p.
79. Emery, M. The Press and America: An Interpretive History of the Mass Media. – 5th ed. [Text] / M. Emery, E. Emery. – Englewood Cliffs, NJ, 1984. – 774 p.
80. Espejo, C. European Communication Networks in the Early Modern Age: A New Framework of Interpretation for the Birth of Journalism [Text] / C. Espejo // *Media History*. – 2011. – Vol. 17, No. 2. – P. 189–202.
81. Fox Bourne, H. R. English Newspapers: Chapters in the History of English Journalism [Text]: in 2 vols. / H. R. Fox Bourne. – London, 1887. – Vol. 1. – 391 p.
82. Fritz, G. Text Types in a New Medium: The First Newspapers (1609) [Text] / G. Fritz // *Journal of Historical Pragmatics*. – 2001. – Vol. 2, No. 1. – P. 69–83.

83. *Gottlieb, A. H.* 1,000 years, 1,000 people: Ranking the Men and Women Who Shaped the Millennium [Text] / A. H. Gottlieb. – N. Y.: Kodansha Amer. Inc, 1998. – 331 p.
84. *Gray, P.* Johann Gutenberg (c. 1395–1468) [Электронный ресурс] / P. Gray. – URL: <http://content.time.com/time/magazine/article/0,9171,36527,00.html>.
85. *Groth, O.* Die Zeitung – ein System der Zeitungskunde (Journalistik) [Text] / O. Groth. – Mannheim: J. Bensheimer, 1928. – Vol. 1. – 1360 S.
86. *Hallam, H.* The Constitutional History of England from the Accession of Henry VII to the Death of George II [Text]: in 3 vols. / H. Hallam. – Paris: Baudry's European Library, 1841. – Vol. 1. – 308 p.
87. *Hannis, G.* Daniel Defoe's Pioneering Consumer Journalism in the Review [Text] / G. Hannis // *Journal for Eighteenth-Century Studies*. – 2007. – Vol. 30, No. 1. – P. 13–26.
88. *Hartley, J.* Journalism and Modernity [Text] / J. Hartley // *Australian Journal of Communication*. – 1996. – No 2. – P. 20–30.
89. *Henning, W. W.* Statutes at Large [Text] / W. W. Henning. – N. Y., 1823. – Vol. 2. – 612 p.
90. *Hudson, F.* Journalism in the United States, from 1690 to 1872 [Text] / F. Hudson. – N. Y.: Harper & Brothers, 1873. – 789 p.
91. *Infelise, M.* Roman arvisi: Information and Politics in the Seventeenth Century [Text] / M. Infelise // *Court and Politics in Papal Rome*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – P. 212–228.
92. *Italia, I.* The Rise of Literary Journalism in the Eighteenth Century: Anxious Employment. [Text] / I. Italia. – London: Routledge, 2005. – 248 p.
93. *Italia, I.* The Tatler [Electronic resources] / I. Italia. – URL: <http://www.litencyc.com/php/sworks.php?rec=true&UID=7889>.

94. *Josephi, B. How Much Democracy Does Journalism Need?* [Text] / B. Josephi // *Journalism*. – 2013. – Vol. 14, No. 4. – P. 474–489.
95. *Journalism* [Text] // *Westminster Review*, 1833, Vol. 18, January–April. P. 195–208.
96. *Journalism and Mass Communication* [Text] / Ed. by R. Lathra. – Oxford: EOLSS Publishers Company Limited, 2009. – Vol. 1. – 388 p.
97. *Kowitz, M. R. Censorship* [Electronic resource] / M. R. Kowitz. – Redmond, WA: Microsoft Corporation, 2006. – CD-ROM.
98. *Lamble, S. News as it Happens: An Introduction to Journalism* [Text] / S. Lambie. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 468 p.
99. *Leslie, C. A View of the Times, Their Principles and Practices: in the First Volume of the Rehearsals* [Text] / C. Leslie. – London, 1750. – 420 p.
100. *Lewis, S. News and Society in the Greek Polis* [Text] / S. Lewis – Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1996. – 206 p.
101. *Loades, D. M. The Press Under the Early Tudors: A Study in Censorship and Sedition* [Text] / D. M. Loades // *Transactions of the Cambridge Bibliographical Society*. – 1964. – Vol. 4, No 1. – P. 29–50.
102. *Loades, D. M. The Theory and Practice of Censorship in Sixteenth-Century England* [Text] / D. M. Loades // *Transactions of the Royal Historical Society*. – 1974. – Vol. 24. – P. 141–157.
103. *Macaulay, T. B. History of England. From the Accession of James the Second* [Text] / T. B. Macaulay. – London, 1855. – Vol. 4. – 836 p.

104. Molino, P. Connected News: German Zeitungen and Italian avvisi in the Fugger collection (1568–1604) [Text] / P. Molino // *Media History*. – 2016. – Vol. 22, № 3–4. – P. 267–295.
105. Morrison, S. The English Newspaper: An Account of the Physical Development of Journals Printed in London, 1622–1932 [Text] / S. Morrison. – Cambridge: Cambridge University Press, 1932. – 335 p.
106. Nerone, J. Journalism [Text] / J. Nerone // *The Handbook of Communication History*. – N. Y.; London: Routledge, 2013. – P. 196–208.
107. Paulson, R. The Fiction of Satire [Text] / R. Paulson. – Baltimore: John Hopkins Press, 1967. – 228 p.
108. Pighius, S. V. Annales Romanorum [Text] / S.V. Pighius. – Antwerpiae: Ex Officina Plantiniana, Apud Viduam & Filios Ioannis Moretti, MDCXV. – 494 p.
109. Pöttker, H. A Reservoir of Understanding: Why Journalism Needs History as a Thematic Field [Text] / H. Pöttker // *Journalism Practice*. – 2011. – №. 5. – P. 520–537.
110. Pöttker, H. Comments on German Tradition of News Journalism [Text] / H. Pöttker // *Diffusion of the News Paradigm 1850–2000*. – Göteborg: Nordicom, 2005. – P. 139–145.
111. Raymond, J. 'A Mercury with A Winged Conscience': Marchamont Nedham, Monopoly and Censorship [Text] / J. Raymond // *Media History*. – 1998. – Vol. 4, №. 1. – P. 7–18.
112. Raymond, J. Marchamont Nedham [Text] / J. Raymond // *The Oxford Handbook of Literature and the English Revolution* / Ed. by L. L. Knoppers. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – P. 375–393.
113. Raymond, J. Pamphlets and Pamphleteering in Early Modern Britain [Text] / J. Raymond. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 428 p.

114. *Revolutions in Romantic Literature: An Anthology of Print Culture, 1780–1832* [Text] / Ed. by P. Keen. – Peterborough: Broadview Press, 2004. – 354 p.
115. *Rosenstiel, T.* The Elements of Journalism: What Newspeople Should Know and Public Should Expect [Text] / T. Rosenstiel, B. Kovach. – N. Y.: Three Rivers Press, 2001. – 208 p.
116. *Schlesinger, A. M.* Prelude to Independence; the Newspaper War on Britain, 1764–1776 [Text] / A. M. Schlesinger. – N. Y.: A. A. Knopf, 1958. – 318 p.
117. *Schröder, T.* The Origins of the German Press [Text] / T. Schröder // *The Politics of Information in Early Modern Europe*. – London; N. Y.: Routledge, 2005. – P. 123–150.
118. *Schudson, M.* Discovering the News: A Social History of American Newspapers [Text] / M. Schudson. – N. Y.: Basic Books, 1978. – 228 p.
119. *Schudson, M.* News and Democratic Society: Past, Present, and Future [Text] / M. Schudson // *Hedgehog Review*. – 2008. – No 2. – P. 7–21.
120. *Schudson, M.* The Sociology of News [Text] / M. Schudson. – N. Y.; London: W. W. Norton & Company, 2003. – 261 p.
121. *Shaafer, M. A.* The History of the First English Newspaper [Text] / M. A. Shaafer // *Studies in Philology*. – 1932. – Vol. 29, No. 4. – P. 551–587.
122. *Siebert, F. S.* The Freedom of the Press in England, 1476–1776: The Rise and Decline of Government Controls [Text] / F. S. Siebert. – Urbana: University of Illinois Press, 1962. – 411 p.
123. *Sommerville, J. C.* The News Revolution in England: Cultural Dynamics of Daily Information [Text] / J. C. Sommerville. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 208 p.
124. *Standage, T.* Writing on the Wall: Social Media – The First 2,000 Years [Text] / T. Standage. – N. Y.: Bloomsbury Publishing USA, 2013. – 288 p.

125. *Stephens, M. A History of News* [Text] / M. Stephens. – Fort Worth, TX: Harcourt Brace College Publishers, 1997. – 353 p.
126. *Stephens, M. A History of News: from the Drum to the Satellite* [Text] / M. Stephens. – N. Y.: Penguin Books, 1988. – 401 p.
127. *Stephens, M. Beyond News: The Future of Journalism* [Text] / M. Stephens. – N. Y.: Columbia University Press, 2014. – 192 p.
128. *Stephens, M. The Rise of the Image, the Fall of the Word* [Text] / M. Stephens. – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 259 p.
129. *Stöber, R. Journalism Paradigm Before 1945* [Text] / R. Stöber // *Diffusion of the News Paradigm 1850–2000*. – Göteborg: Nordicom, 2005. – P. 147–156.
130. *The Tatler: With Notes, and a General Index. Complete in One Volume* [Text] – Philadelphia: J. J. Woodward, 1831. – 444 p.
131. *Van Gessel, H. L. Acta Urbis – Ancient Rome's Local Paper* [Text] / H. L. Van Gessel // *Gazette*. – Leiden, Netherlands, 1970. – Vol. 16, №. 2. – P. 88–104.
132. *Weber, J. Strassburg, 1605: The origins of the newspaper in Europe* [Text] / J. Weber // *German History*. – 2006. – Vol. 24, №. 3. – P. 387–412.
133. *Windschuttle, K. Journalism and the Western Tradition* [Text] / K. Windschuttle // *Australian Journalism Review*. – 1999. – Vol. 21, №. 1. – P. 50–67.
134. *Zelizer, B. Has Communication Explains Journalism?* [Text] / B. Zelizer // *Journal of Communication*. – 1993. – № 4. – P. 80–88.
135. *Zelizer, B. Journalism and the Academy* [Text] / B. Zelizer // *The Handbook of Journalism Studies*. – London; N. Y.: Routledge, 2009. – P. 29–41.

Учебное издание

ВНИЧЕНКО ВИТАЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ

**ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ
ЖУРНАЛИСТИКИ.
У ИСТОКОВ ЖУРНАЛИСТИКИ**

Редактор Н. В. Баранова

Корректор Н. В. Баранова

Компьютерная верстка А. Л. Галданован

Подписано в печать 19.11.2018.

Формат 60 x 84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Виктория.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,91. Рр.-мод. л. 6,3.

Тираж 30 экз. Заказ № 4588.

Издательство Южного федерального университета.

Отпечатано в одной издательской, полиграфической и сувенирной продукции

Издательско-полиграфического комплекса ЮНН МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ

344086, г. Ростов-на-Дону, пр. Сталина, 200/1. Тел. (863) 243-80-61.